Элисон Гопник

Садовник и плотник

CORPUS

ЧТО НОВАЯ НАУКА ВОСПИТАНИЯ ГОВОРИТ НАМ ОБ ОТНОШЕНИЯХ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Ведущий мировой детский психолог развеивает популярный миф о “хорошем родительстве”

Элисон Гопник

Садовник и плотник

«Corpus (АСТ)»
2016

УДК 37
ББК 74.00

Гопник Э.

Садовник и плотник / Э. Гопник — «Corpus (АСТ)», 2016

ISBN 978-5-17-101296-0

Элисон Гопник – известнейший американский психолог, профессор Беркли, специалист в области психологии развития. В своей новой книге она предлагает отказаться от так называемого родительства: по ее мнению, родители, исповедующие такой подход, похожи на плотников, которые пытаются “изготовить” из своего ребенка идеального взрослого. Однако намного более эффективен иной подход: родители-“садовники” видят свою задачу в создании безопасной и благополучной среды, в которой ребенок сможет расти и развиваться в соответствии с собственными склонностями и потребностями…

УДК 37
ББК 74.00

ISBN 978-5-17-101296-0

© Гопник Э., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Вступление 6
“Родительство” и “быть родителем” 10
Парадоксы 12
Парадоксы любви 13
Парадоксы научения 14
Уникальность детства 16
Сад детей 17
Глава 1 19
Похвала хаосу 23
Идеи, которые умирают вместо нас 25
Исследование vs. использование 26
Защищающие родители 30
Глава 2 31
Две картины 32
Что кроется за “просто сказками” 35
Парадокс незрелости 38
Обучение, культура и петли обратной связи 42
Разнообразие: неизвестные неизвестные 44
Вернемся к родительству 45
Глава 3 46
Парный союз: все сложно 48
Вариации любви 53
Бабушки[67] 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Элисон Гопник
Садовник и плотник
Что новая наука воспитания говорит нам об отношениях родителей и детей

© Alison Gopnik, 2016. All rights reserved
© В. Полищук, перевод на русский язык, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО “Издательство АСТ”, 2019

* * *

Па Буту, Огастесу, Джорджиане и Аттикусу, моим поздним любовям

Вступление
Парадоксы родительства

Зачем мы заводим детей и становимся родителями? Забота о детях – дело хлопотное и утомительное, но тем не менее многим из нас это приносит огромное удовлетворение. Почему? Почему растить детей – важное дело и достойная задача, ради которой стоит жить?

Самый распространенный ответ, особенно у отцов и матерей из среднего класса, таков: ты становишься родителем, чтобы заниматься так называемым родительством (*parenting*) – то есть "выращиванием ребенка"[1]. Это словосочетание описывает не просто занятие, но своего рода работу. Ее цель – каким-то образом изготовить из ребенка взрослого, который будет счастливее и лучше, чем если бы его *не* "выращивали", или же (но об этом мы говорим только шепотом) он будет лучше, чем дети соседей. Считается, что в результате "правильного" родительства выращиваются правильные дети, из которых со временем выйдут правильные взрослые.

Конечно, иногда слово "родительство" используется для описания того, чем родители *и в самом деле* занимаются. Но чаще, особенно в наши дни, "родительство" подразумевает нечто, чем родителям *нужно* заниматься. На страницах этой книги я намерена показать, что такое директивное представление о родительстве в корне неверно, причем как с научной, философской и политической точки зрения, так и с личностной. Это неправильный способ понимания того, как мыслят и действуют дети и родители, и в то же время это ошибочное представление о том, как они *должны* думать и действовать. Такое представление не только не делает жизнь детей и родителей лучше, но и вредит им.

Идея родительства настолько соблазнительна и так широко распространена, что может показаться очевидной, неопровержимой и не требующей доказательств. Однако, хотя родители (включая и родительницу, пишущую эти строки) чувствуют притягательность идеи родительства, но в то же время неосознанно ощущают, что с этой идеей что-то не так[2]. Нас беспокоит, что дети недостаточно хорошо успевают в школе, – и при этом мы переживаем из-за того, что нам приходится заставлять их учиться лучше. Мы сравниваем своих детей с детьми знакомых – а потом презираем себя за это. Мы кликаем на любой заголовок, превозносящий или порицающий очередной новый метод воспитания, – а потом заявляем (иногда чуть громче, чем нужно), что сами-то предпочтем в воспитании детей положиться на инстинкт.

Трудиться, чтобы достичь какого-то результата, – хороший паттерн для многих ключевых занятий человека. Он хорошо подходит для плотников, для писателей, для предпринимателей. Легко определить, хороший ли ты плотник, или писатель, или генеральный директор, оценив качество стульев, которые ты делаешь, книг, которые ты пишешь, или чистую прибыль твоей компании. Концепция родительства следует той же модели: родитель в ней предстает кем-то вроде плотника, только цель у него иная – не сработать стол или стул, но, словно предмет мебели, изготовить из ребенка определенный тип личности.

В любом рабочем процессе успех зависит от компетенции. Концепция родительства подразумевает, будто существует некий набор умений и навыков, освоив которые, родители смогут сформировать жизнь своих детей. Возникла довольно значительная индустрия, которая

---

[1] Термин *parenting* в современном английском языке употребляется в значении, наиболее близком к русскому слову "воспитание". Однако термин "воспитание", постоянно использовавшийся в специальной литературе в 1950-х – 1980-х годах, в настоящее время употребляется все реже. В то же время слово "родительство" сегодня активно живет в обсуждениях, практических советах, личных беседах современных родителей и означает именно ту модель воспитания, которую критикует автор. Поэтому здесь и в дальнейшем мы будем дословно переводить английский термин *parenting*. – *Примеч. науч. ред.*

[2] Запутанные установки у современных родителей превосходно обрисованы у: Senior, 2014.

обещает обучить родителей этим необходимым навыкам. В разделе *Parenting* на сайте *Amazon* значатся около 60 000 книг, и в названиях большинства из них обязательно есть намек на практическое руководство – "как добиться того-то и того-то" (*how to*).

Конечно, многие такие книги и в самом деле дают практические советы о том, как быть родителями. Но подавляющее большинство обещает, что, если родители освоят правильные методы, они смогут существенно изменить к лучшему жизнь и будущее ребенка.

Однако модель родительства обнаруживается не только в подобного рода практических руководствах: она в целом определяет наши представления о развитии детей как таковом. Поскольку моя специальность – психология развития, я пытаюсь понять, как устроены сознание и внутренний мир ребенка и почему они устроены именно так, а не иначе. И все равно – едва ли не каждый, кто брал у меня интервью о "науке детства", рано или поздно задавал неизбежный вопрос: что же все-таки *должны делать* родители и какие плоды это принесет в долгосрочной перспективе.

Кроме того, концепция родительства – постоянный источник тревог и печалей для родителей, особенно для матерей. Эта идея подливает масло в огонь бесконечных свар в бесчисленных "мамских чатах". Если мы принимаем идею, что родительство – это своего рода работа, значит, мы должны выбирать между этой работой и другими (то есть собственно работой). Именно матери в этой ситуации вынуждены без конца защищаться и конфликтовать по поводу того, можно ли быть успешным родителем и при этом успешно делать карьеру; они чувствуют, что их заставляют выбирать: либо перестать настаивать на важности материнства, либо отказаться от карьеры. Впрочем, тот же выбор встает и перед отцами, и это выбор еще более сложный, потому что он гораздо реже обсуждается.

Отчасти в результате всего этого возник противоположный импульс – отрицание важности родительства, все эти иронические воспоминания, в которых женщины смущенно признаются, что материнство вызывало у них смешанные чувства. В конце концов, если родительство – это тоже своего рода работа, цель которой – изготовить еще одного благополучного взрослого, то получается, что работа это незавидная: бесконечный рабочий день и никакой оплаты, не говоря уже о постоянном перетаскивании тяжестей. А при этом двадцать лет подряд вы понятия не имеете, хорошо ли сделали свою работу, – уже один этот факт расшатывает вам нервы и наполняет чувством вины. Однако если быть родителем – не работа, то зачем мы это делаем? Если цель не в том, чтобы создать определенную разновидность взрослого, то в чем она?

Я и сама одна из этих тревожных работающих родительниц из среднего класса, так что я всю жизнь ощущала и притягательность модели родительства, и ее противоречивость. Трое моих сыновей уже выросли, у них все хорошо, они в достаточной степени счастливы и успешны и уже начали обзаводиться собственными детьми. Однако я ловлю себя на том, что до сих пор постоянно задаю себе вопрос: отвечаю ли я за их сегодняшнюю жизнь со всеми ее плюсами и минусами? И меня ли они должны благодарить за нее? Не проявляла ли я чрезмерную опеку, когда ежедневно провожала своего восьмилетнего младшего сына до самой школы? Или, может быть, была слишком небрежной и невнимательной, когда на следующий год перестала это делать? Я хотела, чтобы мои дети сами выбирали свой путь и самостоятельно познавали себя и раскрывали свои таланты. Но, может быть, я должна была настоять, чтобы мой старший сын закончил колледж, а потом уже пытался стать музыкантом? Я была уверена – и уверена в этом до сих пор, – что обычная хорошая школа – лучшее место для любого ребенка. Но, когда оказалось, что старшие сыновья не приживаются в обычной средней школе, должна ли я была отправить их в платную частную школу в пригороде, как поступила с младшим? Надо ли было заставлять младшего выключать компьютер и брать в руки книгу – или пусть его осваивает программирование? Как мне было добиться того, чтобы у "одаренного" среднего хватало времени на игры и на домашние задания и чтобы он еще успевал на уроки балета и к репетитору

по математике? Ну и наконец, самый сложный вопрос. Я развелась, когда мой младший окончил среднюю школу. Правильно ли я поступила? Может, мне надлежало сделать это раньше или позже – или вообще не разводиться?

Мой профессиональный опыт и познания психолога совершенно не помогают ответить на эти вопросы, и тут мне не легче, чем остальным родителям. Осмысляя свой почти сорокалетний материнский стаж, я прихожу к выводу: скорее всего, правильных ответов не существует – просто сами вопросы поставлены неверно.

Задумываясь о собственном опыте воспитания детей, недолго преисполниться скепсиса по поводу "родительства". Однако и при взгляде на других родителей и их детей идея родительства тоже не кажется привлекательной. В конце концов, мое поколение – заботливо воспитанные и процветающие бэби-бумеры – вовсе не кажутся каким-то принципиальным улучшением по сравнению с "Великим поколением" наших родителей, выросших в трудные годы Великой депрессии и Второй мировой войны. И все мы знаем примеры того, как из детей с ужасным детством вырастают прекрасные взрослые и любящие родители, – и примеры того, как у замечательных родителей вырастают трагически несчастные дети.

Самый веский и душераздирающий аргумент против модели родительства приходит на ум, если вспомнить о родителях детей, которым не суждено было вырасти. В 2011 году Эмили Рэпп написала чрезвычайно трогательную и часто цитируемую статью о своем сыне Ронане[3]. Она знала, что ее мальчик, страдавший болезнью Тея-Сакса (ранней детской амавротической идиотией), не доживет и до трех лет. Эмили горячо любила сына, и, хотя ему не суждено было вырасти, мы всем сердцем чувствуем, что Эмили и другие подобные ей родители – ярчайшие примеры того, в чем заключается подлинное материнство и отцовство.

Очень важно понять, почему заводить детей и растить их – дело, ради которого стоит жить. Тревоги и сомнения родителей и детей часто проходят по ведомству "стиля жизни" и "мамских чатов". Однако в этой книге я намерена показать: эти повседневные тревоги отражают подлинные и глубокие аспекты человечности, органически присущие нам просто потому, что мы люди. С точки зрения биологии наше уникальное долгое детство, в течение значительной части которого ребенок совершенно беспомощен, и огромный родительский вклад на протяжении всего этого детства – ключевая составляющая часть того, что значит быть человеком. Но зачем нужен этот родительский вклад? Почему он возник в ходе эволюции?

Вопрос, почему быть родителем и растить детей – достойное и важное дело, – это вопрос не только личностный или биологический, но также и социальный, и политический. На протяжении всей истории человечества забота о детях никогда не была исключительным делом биологических родителей – с самого начала она всегда была центральным проектом любого человеческого сообщества. Это верно и сегодня. Например, общественное образование – это тоже в широком смысле забота о детях.

Формы, которые принимала эта забота, постоянно менялись в прошлом и будут меняться в будущем – как и все прочие социальные институты. Если мы хотим в дальнейшем принимать верные решения в этой области, принципиально важно разобраться, в чем же, собственно, заключается забота о детях. Каким должен быть детский сад? Как реформировать бесплатную среднюю школу? Кто должен принимать решения о социальном обеспечении ребенка? Как быть с новыми технологиями? Забота о детях – вопрос не только семьи или науки, это также вопрос политический, и он порождает трения и парадоксы на всех уровнях общества.

Должен существовать способ думать о детях и детстве вне узких практических рамок "как это делается" с одной стороны – или "иронических мемуаров" с другой. Тут могла бы помочь общая картина, которую предлагают наука и философия. Однако я не так давно стала

[3] *Rapp 2011. В 2014 г. вышла ее книга The Still Point of the Turning*, основанная на данной статье, опубликованной в 2011 г. в газете *The New York Times.*

бабушкой и думаю, что, быть может, именно этот новый статус предлагает более подходящую оптику. Быть бабушкой – значит иметь возможность находиться на своего рода эмпатической дистанции от ребенка, одновременно вспоминая чувства той молодой матери, которой ты сама когда-то была (хотя многие скажут, что это был другой человек), и от родительских тревог твоих собственных детей.

Так что эта книга – труд не только ученого и философа, но и бабушки – бабули, как выразилась бы моя собственная еврейская бабушка. Но все же бабули из Беркли, бабули, которая управляет лабораторией когнитивных исследований и между выпеканием оладий с черникой и рассказами о добрых старых временах пишет философские статьи. В прошлом на свете было относительно немного бабуль-философов и бабуль-ученых, поэтому я надеюсь, что сочетание этих точек зрения поможет нам понять ценность того, что значит “быть родителем”, и почему это нечто большее, чем “родительство”.

“Родительство” и “быть родителем”

Если родительство – неверная модель, то какая же правильная? “Родитель” – не глагол и не вид работы, и “быть родителем” не значит и не должно означать, что ты стремишься вылепить из ребенка какой-то определенный тип взрослого. На самом же деле быть родителем, заботиться о ребенке – значит быть частью замечательных и уникальных человеческих отношений, участником неповторимого союза любви. В человеческой жизни главное место занимает работа; без нее мы бы не смогли жить. Но, как говаривали и Фрейд, и Элвис (во всяком случае, если верить апокрифам), работа *и* любовь – вот ради чего стоит жить.

Особый вид любви, которая связана с заботой о детях, присущ не только биологическим родителям; он свойствен всем, кого в американской научной литературе называют “ухаживающим взрослым” (*caregiver*), а в британской – более мягким термином *carer* (“заботящийся”). Эта форма любви не сводится к биологическим узам, однако она – пусть лишь потенциально – есть часть жизни каждого из нас.

Мы понимаем, чем работа отличается от других форм отношений и других форм любви. Быть женой не значит “профессионально работать женой”, быть другом не значит “работать другом”, и мы не “работаем детьми” у своих родителей. Однако именно эти отношения определяют, кто мы есть. Любой человек, живущий полной и счастливой жизнью, вовлечен в такие отношения. И это не просто расхожая философская истина, а одна из тех истин, что глубоко укоренены в нашей биологии.

Возможно, читателю покажется, что говорить о любви, особенно о любви родителей к своим детям, – это столь же сентиментальная и слезливая тема, сколь и заурядно-очевидная. Но, как и любой вид человеческих отношений, любовь к детям одновременно и проста, и немыслимо сложна: она – одна из нитей, вплетенных в ткань нашей повседневной жизни; она – фон нашего бытия, и в то же время она бесконечно разнообразна и парадоксальна.

Научиться любить гораздо проще, если перестать думать о любви как о своего рода работе. Можно, например, сказать, что изо всех сил стараешься быть хорошим мужем или женой или что важно быть хорошим другом или примерным ребенком. Но я бы не стала оценивать успех своего брака, попытавшись измерить, насколько характер моего мужа улучшился со времен нашей свадьбы. Я не буду оценивать давнюю дружбу с точки зрения того, был ли мой друг счастливее и успешнее, когда мы познакомились, – ведь всем известно, что настоящая дружба проверяется именно в тяжелые времена. И тем не менее именно с такой меркой принято подходить к родительству: считается, что качество родителя следует измерять и определять, глядя на то, какого ребенка он вырастил.

Быть родителями, особенно родителями маленьких детей, – тяжкий труд, но это еще и огромная любовь, во всяком случае для большинства из нас. Любовь, которую мы испытываем к маленьким детям и которой они отвечают нам, одновременно интимна и безусловна, нравственно глубока и чувственно непосредственна. Главное вознаграждение, которое получают родители, – вовсе не оценки и школьные призы детей и даже не их дипломы и свадьбы. Главную награду родители получают от мгновений психологической и физической радости быть вместе с ребенком, именно с этим ребенком, и от радости ребенка быть именно с тобой.

У любви нет ни задач, ни реперных точек, ни чертежей, но у нее есть цель. Эта цель состоит не в том, чтобы изменить тех, кого мы любим, но дать им то, в чем они нуждаются, чтобы расцвести. Цель и смысл любви не в том, чтобы определить судьбу того, кого любишь, но помочь ему сделать это самостоятельно. Не в том, чтобы предначертать путь, но помочь самому проложить этот путь – даже если бы мы не выбрали такой путь для себя или для него.

Цель и смысл любви, которую мы испытываем к детям, – обеспечить этим беспомощным маленьким человеческим созданиям безопасную, надежную, изобильную среду, в кото-

рой расцветают разнообразие, изобретательность и новаторство. Это верно и с позиций биологии и эволюции, и с личностной и политической точки зрения. Любовь к детям не задает им направление; она дает им поддержку в путешествии.

Парадоксы

Итак, быть родителем – значит просто-напросто любить ребенка. Однако просто любить – это всегда непросто. О парадоксах, странностях, сложностях и неповторимом безумии эротической любви подумано, написано, придумано, сказано, пропето, а иногда и выкрикнуто неимоверно много. И любовь к детям исполнена того же безумия, так же сложна и так же сильна и парадоксальна. Однако разговор об отношениях между родителями и детьми, особенно маленькими, практически всегда ограничен наборами практических инструкций или воспоминаниями о собственном опыте.

В этой книге я сосредоточусь на двух парадоксах: парадоксе любви и парадоксе научения[4]. И тот и другой – часть эволюционной природы детства, и модель родительства явно не справляется с ними. Они возникают и когда мы думаем о детстве с научной точки зрения, и когда мы сталкиваемся с ним лично. Особенно отчетливо эти парадоксы обрисованы в научных исследованиях последнего времени.

Парадокс любви и парадокс научения – вовсе не отвлеченные научно-философские проблемы. Их актуальность постоянно подтверждается практикой, самой жизнью, теми дилеммами, которые встают перед большинством родителей. Именно эти два парадокса лежат в основе тех сложных моральных и политических решений, которые должно принимать наше общество, пытаясь наилучшим способом обеспечить заботу о детях.

[4] Автор использует здесь слово *learning*, которое в данном случае больше соответствует понятию “научение” или “освоение”, то есть – в отличие от русского слова “обучение” – не подразумевает намеренного и формализованного процесса под руководством обучающего взрослого. В дальнейшем, однако, слово *learning* в зависимости от контекста будет переводиться и как “научение”, и как “обучение”. – *Примеч. науч. ред.*

Парадоксы любви

Первая дилемма возникает в результате конфликта между зависимостью и независимостью. Родители и другие ухаживающие взрослые должны взять на себя полную ответственность за благополучие самого зависимого из всех живых существ – человеческого младенца. Но в то же время им нужно превратить это полностью зависимое создание в абсолютно независимого и автономного взрослого. Мы начинаем с того, что кормим младенца, меняем ему подгузники и держим его на руках большую часть дня, и эти занятия, как ни удивительно, доставляют нам радость и даже счастье. А кончается тем, что мы – да и то если повезет – изредка получаем ласковое текстовое сообщение из какого-нибудь далекого города. Только представьте себе дружбу или брак, в которых имели бы место подобные крайности, – это выглядело бы крайне странно, а то и откровенно патологично. Между тем эти крайности неизбежно присутствуют в самом начале и самом конце родительства. Дети в младенчестве начинают с такой мощной зависимости, которая не снилась даже самому привязчивому любовнику, а повзрослев, достигают независимости, на которую неспособен даже самый отстраненный и охладевший возлюбленный.

В период младенчества мы контролируем жизнь ребенка во всех ее деталях куда сильнее, чем он сам. Большая часть того, что происходит с ребенком, происходит через посредство родителя или другого взрослого, который заботится о ребенке. Но, будь я хорошей матерью, я бы старалась вообще никак не контролировать взрослую жизнь своего ребенка.

Эта напряженность становится особенно мучительной, когда ребенок превращается в подростка. Наши дети не только автономны и независимы от нас, они, кроме того, принадлежат к новому поколению, которое автономно и независимо от предыдущего. Младенчество неразрывно связано с интимностью: мы в буквальном и переносном смысле не выпускаем младенца из объятий. Но повзрослевшие дети – все равно что обитатели другого мира, гости из будущего, и так оно и должно быть.

Вторая острая дилемма возникает в результате того, что родители любят исключительно своих собственных детей. Я переживаю именно за *своих* детей. Мы, родители, чувствуем, что благополучие собственных детей для нас превыше всего – важнее благополучия других детей или нашего собственного счастья. В стремлении к этой цели мы бываем, да и должны быть, беспощадны. Представьте себе малоимущую маму, которая живет в очень плохом районе и экономит каждый грош, чтобы отправить ребенка в хорошую частную школу, которая для большинства соседских детей недоступна. И это не эгоизм, не глупость – это героизм.

Однако это совершенно особый вид героизма. Классический способ думать о политике и морали исходит из того, что моральные и политические принципы должны быть универсальными. Справедливость, равенство, честность – предполагается, что эти концепции следует в равной мере распространить на каждого. Но я отвечаю только за определенных, *своих* детей и забочусь только о них – в гораздо большей степени, чем вообще о детях как таковых. Так и должно быть.

Откуда берется эта специфическая привязанность? Она вызвана не только генетическим родством. Практически каждый, кто заботится о ребенке, со временем полюбит именно это конкретное, особенное чудо. Как нам примирить разительную исключительность любви к собственным детям с более общими принципами политики воспитания детей? И что это будет значить для жизни общества в целом?

Парадоксы научения

Второй набор парадоксов связан с теми способами, которыми дети учатся у взрослых. В мире, где успех определяется образованием, воспитание детей в значительной мере сосредоточено на том, чтобы заставить ребенка учиться больше, учиться лучше и учиться быстрее. Кроме того, в большинстве случаев модель родительства "по умолчанию" является и моделью образования. Идея заключается в том, что взрослые обучают детей тому, что последним надлежит знать, и тем самым определяют их мышление и поступки. Опять-таки идея эта, возможно, покажется очевидной, но и наука, и история подсказывают иные решения.

Первый парадокс касается игры и труда. Всем известно, что дети учатся, играя. Но как именно они это делают и почему? Игра по определению представляет собой процесс спонтанного выплеска энергии, который не служит какой-то конкретной цели. И все же, поскольку игра – повсеместная и неотъемлемая часть детства, она наверняка должна выполнять какую-то особую функцию.

Практически каждый убежден, что детям нужно время для игр, нужно дать возможность играть и развлекаться. Однако, когда мы начинаем регламентировать жизнь ребенка, именно время для игр приносится в жертву в первую очередь. Вместо школьной переменки – зубрежка, вместо мячика и "классиков" – футбольная тренировка. Модель родительства предъявляет нам длинный список того, чем надлежит заниматься детям. Урок китайского, занятия математикой, подготовка к вступительным экзаменам в университет – у детей практически не остается времени, чтобы просто поиграть. Нам это не нравится, но мы не знаем, что тут можно сделать.

Общепринятая мораль и устройство политической системы настаивают на суровой и честной этике труда. Каждый отдельный человек и все общество в целом должны мыслить, планировать и действовать с тем, чтобы добиться тех или иных конкретных целей. Но дети и детство – это же про игру. Почему дети играют? И насколько ценной нам следует считать игру – не только для себя лично, но и на уровне морали и жизни общества в целом?

Ребенок должен со временем превратиться из самого зависимого существа в мире в самое независимое. Точно так же он должен превратиться из того, кто большую часть времени отдает играм, в того, кто большую часть времени трудится. Такая метаморфоза требует значительных перемен в сознании и мозге ребенка. Родители и другие заботящиеся о ребенке взрослые, в том числе учителя, должны каким-то образом управлять этим переходом – так, чтобы и сохранить положительные стороны игры, и показать ребенку выигрышные стороны труда. У школы – основной институции, которую мы используем для этого перехода, – это получается из рук вон плохо. Возможно ли сделать это лучше?

Вторая зона напряженности – это граница традиций и новаторства. Великая битва XXI века – битва книги и монитора – лишь последняя по времени схватка в затяжной войне. Мы, люди, всегда разрывались между сохранением старого и внедрением нового. Это метание продолжается уже давно, оно вовсе не признак нашей технологичной эпохи, но часть встроенной в нас эволюционной программы. И дети, в силу самой своей природы, всегда находились на передовой этой войны.

Многие моральные и политические концепции, в особенности классические, консервативные, подчеркивают важность сохранения традиций и истории. Поддерживать культурную идентичность, укорененную в прошлом, оберегать свое место в культурной традиции – это глубокая и весьма ценная часть человеческой жизни. Те, кто воспитывает детей, передают эстафету традиций собственно в ходе воспитания.

В то же время одна из базовых функций детства – принимать нововведения и перемены. В самом деле, как это ни парадоксально, но если бы люди не совершали и не внедряли ничего нового, то не было бы и специфических культур и традиций, которые передаются последую-

щим поколениям. Если бы не было непредсказуемых, совершенно новых событий, не было бы самой истории. Взрослея, дети, как правило, изобретают новые способы одеваться, танцевать, разговаривать и даже думать. Каким образом мы можем поддерживать ценность нашей культуры и традиции и передавать эти ценности последующим поколениям – но при этом поощрять наших детей придумывать совершенно новые ценности?

Науке есть что сказать об этих парадоксах любви и научения, и я буду вкратце описывать новейшие научные исследования, которые помогают нам понять, как именно "работают" любовь и научение. Исследования в области эволюционной биологии проливают свет на происхождение нашей любви к детям и на то, какую роль зависимость и независимость, специфическое и универсальное играют в этой любви.

В когнитивной науке появились новые подходы к понятию научения и новое направление исследований, которое изучает, как именно дети учатся у ухаживающих за ними взрослых. Даже младенцы и совсем маленькие дети чувствительны к социальным нормам и традициям и быстро усваивают их от своих воспитателей.

Но в то же время одно из величайших открытий последних нескольких лет заключается в том, что даже очень маленькие дети способны воображать новые возможности и осознавать новые пути, которые открываются для них самих или для окружающего мира. Новые исследования демонстрируют и объясняют, какой вклад игра вносит в обучение.

Благодаря нейроисследованиям в области развития мы начали понимать, чем отличается молодой мозг от старого. Мы также приблизились к пониманию того, как выглядит процесс перехода от раннего научения в ходе игры к более поздней стадии, в большей степени сосредоточенной на планировании в достижении определенных целей.

Все эти научные исследования указывают на одно и то же: детство живых существ предназначено для того, чтобы быть периодом разнообразия и возможностей, исследования и новаторства, освоения умений и воображения. Это особенно справедливо в отношении исключительно долгого человеческого детства. Однако замечательные способности человека к освоению и изобретению нового имеют свою цену. Возникает необходимость найти компромисс между исследованием и использованием, пробами и достижением цели, воображением и действием.

Эволюция предложила для этого компромисса свое решение: у каждого нового человеческого существа есть защитники – те, кто обеспечивает ребенку благополучное существование, возможность обучаться и давать ход воображению, несмотря на всю уязвимость малыша. Эти защитники также передают ребенку знания, накопленные предыдущими поколениями. И в их силах обеспечить каждому ребенку возможность создания новых видов знания. Конечно, в первую очередь к таким защитникам относятся родители, но также бабушки и дедушки, дяди, тети, друзья и другие заботящиеся о ребенке взрослые. Эти люди должны самоотверженно защищать каждого отдельного ребенка – но в то же время уметь отпустить его, когда он превратится во взрослого; опекун должен позволять подопечному играть – и в то же время учить его трудиться; он должен передавать традиции – и поощрять новаторство. Родительские парадоксы – это следствия фундаментальных биологических фактов.

Уникальность детства

Я не смогу предложить простого решения для этих парадоксов, для личных и общественных дилемм, которые из них вытекают. Простого способа управлять превращением абсолютно зависимого существа в совершенно независимое вообще не существует. Нет формулы, которая могла бы разрешить противоречие между тем фактом, что мы любим конкретного ребенка, и необходимостью принимать стратегические решения о воспитании детей в целом. Нет простого алгоритма, который помог бы взвесить сравнительную ценность труда и игры, традиций и новаторства.

Но в наших силах по крайней мере увидеть эти парадоксы и признать, что они далеко выходят за рамки обычной дискуссии о родительстве. Мы не должны ограничиваться размышлениями о том, приведет ли та или иная "родительская техника" к хорошим или плохим результатам. Размышления о детстве в более абстрактном ключе, в более широкой и более общей перспективе могут помочь нам сделать нашу дискуссию о родителях и детях более вдумчивой и менее конфликтной, более глубокой, но менее мучительной, включить в нее больше оттенков и меньше стереотипов.

Однако я думаю, что хотя мы и не в силах разрешить парадоксы, но все же можем найти к ним верный подход. Нам необходимо признать, что быть родителем (то есть заботиться о ребенке) означает вступить в определенные двусторонние отношения. Более того, нам нужно признать, что эти отношения уникальны. Воспитание ребенка не похоже ни на один другой вид человеческих занятий, которые обычно служат нам моделями и образцами. Воспитание детей – это совершенно особое, специфическое занятие, и оно нуждается в том (и заслуживает того), чтобы у него был свой собственный набор политических и экономических институтов, а у нас – особый, специфический способ думать о нем.

По сути дела, будь у нас идеальный пример того, как надо воспитывать ребенка, он, возможно, помог бы нам решить и другие сложные проблемы – и общественные, и моральные. Напряжение между зависимостью и независимостью, специфическим и универсальным, работой и игрой, традицией и новаторством нагляднее всего проявляется именно в детстве – но это же напряжение стоит и за трудноразрешимыми взрослыми вопросами. Эти противоречия влияют на наше восприятие и понимание множества явлений – от права на аборты и проблемы старения до вопросов искусства; и прозрения, которые мы получаем, когда понимаем детей, могут помочь нам решить и взрослые проблемы.

Мы могли бы начать думать о воспитании детей так, чтобы не увязнуть в трясине чувства вины или обреченности, инструкций для родителей и семейных историй, устоявшихся политических разногласий – всего того, из чего состоит большая часть современной дискуссии о детях и родителях. В наших силах признать, что отношения между детьми и теми, кто о них заботится, – самые важные и определяющие изо всех видов человеческих отношений.

Сад детей

Возможно, лучшая метафора этих определяющих отношений – это очень древний образ сада. Растить ребенка – все равно что выращивать сад, а быть родителем – то же самое, что быть садовником.

В модели родительства родитель скорее похож на ремесленника, например плотника. Согласно этой модели, необходимо внимательно и тщательно выбирать материал, по которому ты работаешь, – и, возможно, качество материала до некоторой степени определит то, что ты пытаешься изготовить. Но в целом твоя работа заключается в том, чтобы вытесать из этого материала конечное изделие, соответствующее чертежу, который ты держал в голове, приступая к работе. И определить, удалась ли работа, можно, посмотрев на готовое изделие. Не кривы ли двери? Устойчивы ли стулья? Враги плотника – неаккуратность и разнообразие; его союзники – точность и контроль. Семь раз отмерь, один раз отрежь.

А садовник? У садовника все иначе. Когда ты разбиваешь сад, то создаешь надежное, защищенное место, где растениям будет привольно и безопасно. Растить сад и ухаживать за ним – дело трудоемкое, приходится работать в поте лица, гнуть спину, вскапывая и окучивая, пачкаться навозом. И, как известно любому садовнику, ни один план не соблюдается в точности, ничто никогда не бывает так, как задумывалось. Из семян бледно-розового мака вырастает ярко-оранжевый цветок; шпалерная роза, которая, по замыслу, должна была виться по изгороди, упрямо не желает подниматься выше фута от земли, а гниль, ржавчина и тля никогда не будут побеждены.

С другой стороны, мы вознаграждаем себя тем, что величайшие наши садоводческие триумфы и радости мы переживаем именно тогда, когда сад выходит из-под контроля. Когда мелкие белые цветочки гипсофилы внезапно появляются именно там, где нужно, – на фоне темного тиса; когда позабытый нарцисс потихоньку пробирается на другой конец сада и вдруг дает множество цветов среди голубых незабудок, когда декоративный виноград, от которого ожидалось, что он будет чинно виться по решетке, вместо этого буйно оплетает деревья.

В сущности, все подобные случаи служат признаками правильной работы садовника и в более глубоком смысле. Общеизвестно, что в некоторых видах садоводства конечная цель – это определенный результат: например, перед вами стоит задача вырастить оранжерейные орхидеи или деревце-бонсай. Такие виды садоводства требуют столь же замечательных навыков, компетентности и знаний, как самая тонкая плотницкая работа. В Англии, стране садоводов, об одержимых постоянной тревогой родителях из среднего класса говорят, что они растят “тепличных” детей, – а в Америке подобных отцов и матерей называют “вертолетными родителями” (*helicopter parents*), потому что они непрерывно кружат и зависают над своим ребенком.

Но давайте посмотрим на другие виды садоводства. Например, на то, как выращивают живую изгородь или разбивают лужайку или сад при коттедже. Вся прелесть лужайки в ее беспорядочности: разные травы и цветы могут разрастись, а могут и погибнуть в зависимости от меняющихся обстоятельств, и нет гарантии, что то или иное растение вырастет выше или красивее прочих или будет цвести дольше всех. Хороший садовник трудится, чтобы создать плодородную почву, которая будет питать целую экосистему различных растений – и у каждого будут свои сильные стороны и свои прелести, но в то же время и свои недостатки и сложности. В отличие от добротно сработанного стула, хороший сад постоянно меняется, приспосабливаясь к переменчивым обстоятельствам погоды и смены времен года. А в долгосрочной перспективе такая варьирующаяся, гибкая, сложная, динамичная система окажется более прочной и более адаптивной, чем самые лелеемые оранжерейные цветы.

Быть хорошим родителем – даже этого недостаточно, чтобы превратить конкретного ребенка в умного, счастливого или преуспевающего взрослого. Но зато хорошие родители

могут помочь создать целое новое поколение – крепкое, надежное, адаптивное, способное лучше справиться с неизбежными и непредсказуемыми переменами, которые ожидают это поколение в будущем.

Садоводство – дело рискованное и зачастую доставляет огромные огорчения. Каждому садовнику знакомо болезненное чувство, когда ты видишь, что самые многообещающие ростки внезапно увяли. Но без риска, без трудов и без огорчений не вырастишь настоящий сад – разве что пластиковые ромашки на искусственном дерне.

Отличной аллегорией детства служит райский сад, Эдем. В детстве мы растем в саду, где царят любовь и забота, в саду, который предстает нам во всей красе, кажется местом настолько надежным и роскошным, что мы, будучи детьми, даже не понимаем, сколько мысли и труда было вложено в этот сад. Подростками мы вступаем одновременно в мир знания и ответственности и в мир труда и боли, в том числе – со временем – и боли в буквальном смысле, боли родовых мук, которые необходимы, чтобы привести в мир новое поколение детей. Наша жизнь не будет по-настоящему человеческой без обеих этих фаз: Рая и Падения, эпохи невинности и времени опыта.

Разумеется, хотя наши маленькие дети часто думают, что мы все можем и все знаем, мы, родители, болезненно ощущаем, что полностью лишены даже отдаленного намека на божественное могущество и власть. И все же родители – как биологические, так и все другие заботящиеся о ребенке взрослые – суть одновременно и зрители, и действующие лица этой самой неотразимой части человеческой комедии. Это и придает родительскому опыту самоценность.

Поэтому наша работа как родителей заключается не в том, чтобы вырастить совершенно конкретный вид ребенка. Нет, она состоит в том, чтобы обеспечить ребенку надежное, защищенное пространство, наполненное любовью, безопасностью и стабильностью, – пространство, в котором смогут расцвести дети множества самых непредсказуемых видов. Наша работа не в том, чтобы обтесывать ребенка и шлифовать его разум; нет, мы должны позволить детскому разуму самостоятельно исследовать все возможности, которые открывает перед ним мир. Наша задача не в том, чтобы объяснять и указывать ребенку, как ему играть, но в том, чтобы дать ему игрушки – и убрать их, когда игра закончится. Мы не можем заставить ребенка учиться, но в наших силах дать ему возможность учиться.

Глава 1
Против родительства

В конце XX века человеческие матери, отцы и дети познакомились с совершенно удивительным явлением. Называется оно родительством.

С тех пор как в природе появились животные, существовали отцы, матери и их детеныши. И с тех пор как появился вид *Homo sapiens*, человеческие матери, отцы и другие представители вида заботились о детях. Английские слова "мать" (*mother*) и "отец" (*father*) столь же древние, что и сам английский язык, а слово "родитель" (*parent*) встречается минимум с XIV века, однако слово "родительство" (*parenting*), сегодня столь обычное, впервые было придумано в Америке в 1958 году и стало общепринятым только в 1970-х.

Откуда взялось "родительство"?[5] Эта модель воспитания стала особо влиятельной из-за череды отчетливых социальных перемен, происшедших в Америке в XX веке, – перемен, вследствие которых понятия "быть родителем" и особенно "стать родителем" стали означать нечто совершенно иное, чем раньше. Семьи меньшего размера, большая мобильность, более позднее рождение первого ребенка – все это вместе радикально изменило траекторию и продолжительность освоения родительских умений (*learning curve*). На протяжении большей части истории человечества люди росли в обширных, разветвленных семьях, в которые входили несколько поколений родственников. У большинства родителей к тому моменту, как они заводили собственных детей, уже имелся богатый опыт ухода за другими детьми. Кроме того, у них были обширные возможности наблюдать за тем, как за детьми ухаживают самые разные люди – не только отец и мать ребенка, но также его бабушки, дедушки, дяди, тети, старшие братья и сестры. Эти традиционные источники компетентности и мудрости (не совсем то же самое, что профессиональные умения, которые сейчас называют "экспертностью") сейчас по большей части иссякли. Востребованность разнообразных книг-инструкций для родителей, руководств, интернет-сайтов и обучающих мастер-классов объясняется именно тем, что они заполняют эту лакуну.

По мере того как семьи дробились и становились все меньше, а детей стали заводить все позже, потенциальные родители, принадлежащие к среднему классу, стали все больше времени отдавать работе и учебе. Большинство таких родителей в течение многих лет получали образование и строили карьеру, прежде чем завести детей. Поэтому неудивительно, что модели работы и учебы для современных родителей стали образцом модели воспитания детей: на работу и на учебу ходишь, поставив перед собой определенную цель; и в том, и в другом случае вы можете научиться, как работать и учиться еще лучше.

Поэтому у популярности родительства как модели есть понятная причина. Однако эта модель плохо вписывается в реальность, какой ее видит наука. С эволюционной точки зрения отношения между человеческими детенышами и взрослыми, которые о них заботятся, критически важны; действительно, эти отношения в значительной части определяют нас как человеческих существ. Наши самые характерные и важные человеческие способности – способность обучаться, изобретать, создавать новое, а также традиции, культура и мораль – все это коренится в отношениях между родителями и детьми.

Эти отношения очень многое значат для человеческой эволюции. Однако они кардинально отличаются от картины, которая всплывает в воображении при слове "родительство". Родители созданы не для того, чтобы "формировать жизнь" детей. Нет, родители и другие попе-

[5] *Согласно словарю Мерриам-Уэбстер, термин впервые был использован в 1958 г. См. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus. "parenting." Accessed October* 27, 2015. *http://www.merriam-webster.com/ dictionary/parenting.*

чители существуют для того, чтобы обеспечивать следующему поколению защищенное пространство, в котором дети смогут самостоятельно вырабатывать новые способы думать и действовать, которые – хорошо это или плохо – будут не похожи ни на что, чего мы ожидали. Именно такую картину рисует нам эволюционная биология, и эта же картина складывается по результатам эмпирических исследований в области развития ребенка – в том числе и тех, что мы проводим в моей лаборатории.

Сказанное не означает, что родители и другие взрослые никак не влияют на ребенка. Наоборот, это влияние существует, оно глубинное и совершенно необходимое. Обеспечить безопасный и стабильный контекст, который позволит ребенку расцвести, – это чрезвычайно важно (не говоря уже о том, насколько это сложно). В конце концов, для того чтобы быть родителем, даже плохим, требуется огромный вклад времени, энергии и внимания – намного больший, чем для любых других человеческих отношений. По утрам я говорю мужу "привет", затем оставляю его на целый день, вечером готовлю ему ужин и провожу час-другой в дружелюбной беседе с ним. Муж делает для меня то же самое (и при этом еще убирает на кухне – а это гораздо сложнее, чем приготовить ужин!). Я могу считать себя вполне приличной женой, но, если бы я обращалась подобным образом с моим маленьким ребенком, это поведение, несомненно, следовало бы расценить как преступное небрежение и жестокое обращение. Взрослые не просто влияют на жизнь своих детей – без взрослых дети не смогли бы выжить.

Однако очень сложно отыскать надежную, эмпирически подтверждаемую связь между мелкими вариациями того, что делают родители (то есть того, что и составляет суть родительства), и теми чертами, которые в результате приобретают выросшие дети. Есть очень немного свидетельств того, что сознательные родительские решения – спать вместе с ребенком или нет; дать ли ему "накричаться" или баюкать на ручках, пока он не уснет; заставлять его дополнительно заниматься дома или пусть лучше поиграет, – что эти решения в долгосрочной перспективе надежно и предсказуемо влияют на то, какой взрослый вырастет из ребенка. С эмпирической точки зрения родительство – это просто мартышкин труд[6].

Впрочем, будь в нашем распоряжении подобные научные факты, они, возможно, все равно не играли бы никакой роли. Часть нашего эволюционного наследия как вида – это в том числе и способность отвергать или пересматривать само это наследие. Даже если родительство представляет собой сравнительно недавнее культурное изобретение, оно может быть хорошим и полезным явлением. Даже если родительство чрезвычайно сложно осуществить успешно и даже если у него есть лишь маргинальные эффекты, все равно попытаться стоит. Демократия, тоже сравнительно недавнее изобретение нашей культуры, признана, в конце концов, "худшей формой правления", за исключением всех прочих, а распространенность разводов не заставляет нас усомниться в ценности института брака как такового (во всяком случае, *не очень* заставляет). Главный критерий полезности родительства – это помогает ли оно ребенку расцвести и преуспеть.

В то же время родительство, в сущности, ужасное изобретение. Оно не улучшило жизнь детей и родителей, а в некоторых отношениях даже ухудшило. Для родителей из среднего класса попытки вытесать из детей достойных взрослых превращаются в источник непрерывной тревожности и чувства вины, отягощенных фрустрацией. А для детей родительство означает постоянно нависающие тяжелые тучи завышенных родительских ожиданий.

Родители из среднего класса отчаянно пытаются овладеть "экспертными" знаниями в области родительства. Это неиссякаемый источник стресса. Они тратят в буквальном смысле миллиарды долларов на различные "советы для родителей" и самое разнообразное оборудова-

[6] *Информативный обзор этих исследований можно найти в работе Майкла Льюиса: Michael Lewis's Altering Fate: Why the Past Does Not Predict the Future* (Lewis 1997).

ние[7]. Но в то же время социальные институты США – страны, где родительство было изобретено и которая до сих пор является его эпицентром, – обеспечивают детям меньше поддержки, чем социальные институты любой другой развитой страны. Кроме того, в тех же США, где продаются все эти книжки и пособия для родителей, самый высокий уровень младенческой смертности и детской нищеты среди всех развитых стран[8].

Взлет и необычайная популярность родительства во многом напоминают то, что примерно в те же годы происходило в США с едой, – то, что Майкл Поллан назвал "дилеммой всеядного"[9]. Когда-то мы учились есть, просто наследуя через семью различные кулинарные традиции. Мы ели пирожки, пасту или китайские пельмени потому, что их делала наша мама – а она готовила эти блюда так же, как это делала ее мать. Все эти многочисленные и разнообразные традиции в целом приводили к здоровым результатам. Но в XX веке, и особенно в среде американского среднего класса этой эпохи, размывание традиций привело к возникновению культуры "питания" (*nutrition*) и "диетического питания" – а у них много общего с культурой "родительства".

И здесь, и там традиции заменены предписаниями. То, что раньше было вопросом опыта, теперь стало вопросом знаний. То, что раньше было просто образом жизни или, как выразился философ Людвиг Витгенштейн, *формой жизни*, превратилось в своего рода работу. Акт спонтанной и любовной заботы превратился в управленческую стратегию.

Ученые-эволюционисты утверждают, что умение готовить пищу сыграло в выживании человека такую же ключевую роль, как и воспитание потомства[10]. Тем не менее и свидетельства эволюции, и научные исследования показывают, что сознательные решения "сесть на диету", контролировать то, что готовишь и ешь, дают в лучшем случае незначительные эффекты. В самом деле, всплеск интереса к диетам и консультациям диетологов совпал со взрывным распространением ожирения.

В обоих случаях парадоксы схожи. Приготовление пищи и воспитание детей – это основополагающие, определяющие человеческий вид области деятельности, без них мы не смогли бы выжить как вид. Но чем более старательно и целенаправленно мы готовим и едим, стремясь обрести здоровье, и чем более старательно и целенаправленно воспитываем детей, чтобы вылепить из них преуспевающих и счастливых взрослых, тем менее здоровыми и счастливыми кажемся и мы, и наши дети.

Бесконечное количество пособий по воспитанию детей – как и бесчисленных книг о различных системах питания – само по себе должно служить доказательством их бесполезности; в самом деле, если бы хоть одна из них и правда работала, то ее успех должен был бы вытеснить с рынка все остальные подобные книги. И если в случае с питанием зазор между целями отдельного человека и общественной пользой уже очень хорошо заметен, то в случае с воспитанием детей этот зазор превращается в зияющую пропасть. Общество, одержимое диетами и системами питания, демонстрирует высочайший уровень ожирения, а общество, одержимое родительством, – высочайший уровень детской нищеты[11].

Проблема в том, что мы не в состоянии загнать джинна обратно в бутылку. Стоило нарушить преемственность традиций, как стало невозможным просто восстановить ее. Мы уже не можем просто выращивать детей и готовить – без всякой "самоосознанности", так, как это делали наши родители и их родители. Но мы и не должны. В сущности, будучи бабушкой, я очень благодарна за то, что могу налить замороженное грудное молоко, сцеженное электри-

[7] См. Paul 2008.

[8] См. Pritchard and Williams 2011.

[9] См. Pollan 2006.

[10] См., например, Wrangham 2009.

[11] См. Ng et al. 2014.

ческим молокоотсосом, в бутылочку, – это замечательное изобретение для ухода за ребенком. Мобильность, разнообразие и выбор – сами по себе, бесспорно, благие вещи. Конечно же, я не хочу отказываться от суши, или тортильи, или замороженного йогурта и возвращаться к бабушкиной пережаренной грудинке и макаронам-“бантикам” – или, если уж на то пошло, к кореньям и ягодам, которыми питались наши предки эпохи плейстоцена. Точно так же я ни за что не откажусь ни от молокоотсоса, ни от своей научной карьеры только потому, что у предшествующих поколений таких возможностей не было.

Похвала хаосу

Но если нюансы выращивания детей на самом деле не определяют то, какими дети вырастут, почему мы должны тратить столько времени, сил и эмоций – да и просто денег – на это выращивание? Зачем вообще вступать в столь затратные, сложные и ненадежные отношения?

Это вопрос одновременно личный и политический, вопрос эволюции и науки. Мы можем лишь сказать, что сама эволюция заставляет нас заботиться о детях – ведь мы должны передать дальше наши гены. Но в таком случае почему мы не становимся самостоятельными уже очень скоро после рождения, как это происходит у многих животных? Почему человеческим детям требуется так много внимания и заботы? И почему взрослым приходится обеспечивать такую заботу – несмотря на то, что ее плоды невозможно точно предсказать?

Главная научная идея этой книги состоит в том, что ответ на эти вопросы – хаос. Дети, бесспорно и несомненно, – совершенно хаотические существа. От них сплошной беспорядок. Какими бы ни были награды, венчающие родительские усилия, чистота и порядок в их число точно не входят. Вообще-то в бесконечном процессе поиска научных грантов я не раз подумывала о том, не предложить ли военным идею хаотического маленького ребенка в качестве оружия. Стоит обрушить этот беспорядок на вражескую армию – и противник утром не сможет даже из дому выйти, не то что воевать.

У ученых есть много разных слов для обозначения беспорядка: вариабельность, стохастичность, шум, энтропия, волюнтаризм. Долгая традиция, восходящая к греческим философам-рационалистам, воспринимает эти силы хаоса как врагов знания, прогресса и цивилизации. Но другая традиция, восходящая к романтикам XIX века, усматривает в беспорядке источник свободы, новаторства и креативности. Романтики воспевали детство: для них ребенок был образцовым примером преимуществ хаоса.

Современная наука до некоторой степени поддерживает этот романтический взгляд. От мозга младенца до мозга ученого, от человеческого разума до искусственного интеллекта – хаос везде играет важную роль. Система, которая колеблется и варьируется, пусть и произвольным образом, сможет приспособиться к меняющемуся миру гораздо более гибко и разумно.

Конечно, один из лучших примеров преимуществ хаоса – это эволюция путем естественного отбора. Случайные биологические вариации приводят к адаптации. Но биологов, кроме того, все больше интересует идея “эволюабельности” (*evolvability*), то есть способности к эволюционному развитию[12]: возможно, каким-то организмам лучше других удается образовывать новые, альтернативные формы, которые затем будут сохранены или отброшены в ходе естественного отбора. Существуют свидетельства того, что и сама эволюабельность также может эволюционировать; некоторые виды, возможно, эволюционировали именно в том направлении, чтобы производить больше варьирующихся особей.

Например, бактерии, которые вызывают болезнь Лайма, отлично умеют производить новые варианты, устойчивые к антителам, – именно поэтому болезнь Лайма так трудно лечить[13]. Если воздействовать на бактерии с помощью множества новых антител, бактерии станут еще более вариативными. Возникшие в результате новые вариации необязательно смогут эффективно защищаться от тех или иных антител, которые атакуют бактерии в настоящий момент, но эти вариации увеличивают вероятность того, что в будущем бактерии переживут атаку других антител.

Человеческие существа производят особенно широкий, разнообразный и непредсказуемый спектр вариаций потомства: каждый ребенок наделен неповторимой комбинацией свойств

[12] См. Jablonka and Lamb 2005; Pigliucci 2008.

[13] См. Graves et al. 2013.

нервной системы и уникальными способностями, обладает сильными и слабыми сторонами, разными типами знаний и различными навыками. Это дает нам те же преимущества, что и у “эволюабельных” бактерий Лайма: вариации позволяют человеку как виду адаптироваться к непредсказуемым изменениям культуры и окружающей среды.

Давайте поговорим об отношении к риску. Мы знаем, что одни дети уже с самого раннего возраста довольно осторожны, в то время как другие очень предприимчивы. Например, мой старший сын Алексей всегда залезал на самую вершину горки на детской площадке, но при этом никогда не начинал карабкаться по лесенке, не изучив предварительно, как можно будет спуститься. А мой средний сын Николас стремительно взлетал на самый верх, ни разу не оглянувшись и ничего не изучая (что касается меня самой, то я, будь моя воля, к таким горкам близко бы не подошла).

По всей вероятности, родители детей, готовых рисковать, живут в постоянном напряжении, и их можно понять. Однако если люди, склонные к риску, и в самом деле ведут более рискованную жизнь, то почему же естественный отбор давным-давно не искоренил эту склонность? И аналогичным образом – если награда за риск перевешивает опасность, почему до сих пор не исчезли более осторожные и пугливые дети?

Когда события развиваются предсказуемым образом, то наиболее успешной будет консервативная стратегия под девизом “безопасность прежде всего”. Но когда обстоятельства меняются, умение рисковать становится более важным[14]. Те самые стратегии, которые годились в прежней обстановке, вдруг становятся непригодными. И, разумеется, невозможно заранее вычислить, когда произойдут непредсказуемые перемены, – на то они и непредсказуемые.

В результате, когда в популяции есть самые разные личности – и осторожные, и склонные к риску, – шансы на выживание каждого отдельного индивида повышаются. В предсказуемой ситуации консерваторы обеспечивают любителям риска все преимущества безопасности, а когда наступают резкие перемены, храбрецы дают осторожным соплеменникам возможность воспользоваться преимуществами инноваций.

Мой Николас, в детстве без оглядки взлетавший на самый верх горки, сегодня очень успешен в профессии, где ему постоянно приходится принимать рискованные решения стоимостью в миллионы долларов, – мне о таком и подумать-то страшно. Воспитывая Ника, я совершенно определенно не преследовала цели вылепить из него взрослого, жизнь которого будет полна риска и неопределенности. Но оказалось, что такая жизнь просто создана для Ника.

Приведу другой пример. Охота была важнейшей частью нашей эволюционной истории. На охоте необходимо держать ухо востро, обращать внимание на множество вещей одновременно и реагировать на мельчайшие изменения вокруг[15]. Поэтому кажется разумным предположить, что в те времена, когда охота была критически важна для выживания, такие свойства должны были развиться у всех членов человеческой популяции. А у тех, кто был способен сосредоточиться в каждый момент времени только на чем-нибудь одном, были, возможно, какие-то другие преимущества, но в целом такие люди, вероятно, считались менее ценными для общества.

Однако впоследствии, когда обстоятельства переменились, люди с подобным умением фокусироваться оказались как раз очень ценными. Как только в образе жизни человека на первый план вышло обучение, а не охота, способность фокусировать внимание превратилась в преимущество. В наши дни проблемы с адаптацией возникают как раз у тех детей, которые неспособны сосредоточиться на чем-то одном.

---

[14] См., например, Ellis and Bjorklund 2012; Ellis et al. 2012.

[15] См. Eisenberg et al. 2008.

Идеи, которые умирают вместо нас

Вокруг концепции эволюабельности по-прежнему идет дискуссия, и предстоит проделать еще много научной работы, чтобы понять, как образом эволюция отвечает на изменения среды, порождая вариативность живых существ. Бесспорно одно: человеческая культура и обучение порождают особого рода “эволюабельность”, которая работает куда быстрее, чем биологическая эволюция.

Вместо того чтобы дожидаться, пока естественный отбор превратит нас в более приспособленные существа, мы адаптируемся самостоятельно, примеряя множество различных вариантов картины мира (разных теорий) и сохраняя те из них, которые соответствуют фактам, а несоответствующие отметаем. Философ Карл Поппер сказал однажды, что наука позволяет нашим теориям умирать вместо нас самих[16].

То же самое можно сказать и о культурном прогрессе. Мы можем тестировать и примерять различные картины мира, но в то же время мы способны *создавать* различные типы миров. Мы можем сделать это и с помощью новых инструментов и технологий, и посредством новых политических и общественных установлений – новых законов, обычаев и институтов. А затем посмотреть, какие технологии и социальные установления будут способствовать нашему процветанию.

Поэтому стратегия успеха для человечества состоит из двух частей. Мы начинаем с того, что генерируем множество разных вариантов-возможностей, причем по крайней мере часть из них – случайным образом. Затем мы сохраняем те из них, которые работают, однако при этом не отметаем полностью альтернативы. Вместо этого мы продолжаем генерировать новые альтернативные варианты и сохраняем их про запас, чтобы пустить в ход в новой среде или столкнувшись с новым набором задач.

[16] См. Popper 1959.

Исследование vs. использование

Однако у этой стратегии есть слабое место. Как известно каждому родителю, беспорядок и эффективность – вещи несовместимые; именно поэтому хаос, который способен устроить маленький ребенок, мог бы стать поистине сокрушительным оружием. Неизбежно приходится искать баланс между исследованием множества альтернатив, которые могут пригодиться когда-то в будущем, – и надежной, прочной, быстрой и эффективной системой, необходимой здесь и сейчас. В области компьютерных технологий и в нейронауке это узкое место принято называть конфликтом между исследованием и использованием[17].

Исследование новых возможностей, идет ли речь о возможностях отдельной личности или возможностях теорий, технологий или культур, открывает путь к инновациям, к альтернативным решениям, необходимым в новых условиях. Но, разумеется, вам нужно еще и действовать здесь и сейчас, сообразуясь с текущими обстоятельствами. И здесь изучение возможностей ничего не дает – вы вряд ли захотите изучать все возможные варианты обращения с мастодонтами, если один из них уже несется прямо на вас. Великие полководцы и руководители не продумывают все возможные варианты планов и не выбирают *самый лучший* из них; они выбирают тот, который *достаточно хорош,* и выполняют его уверенно и решительно. Даже нерешительные ученые вроде меня в конечном итоге вынуждены выбрать какой-то один из множества возможных экспериментов и провести именно его.

Один из способов решить эту проблему состоит в том, чтобы чередовать исследование и использование[18]. Особенно плодотворно сначала заняться исследованием, а затем уже использованием. То есть вы начинаете с того, что произвольно генерируете множество вариантов, а потом отметаете негодные, пока не остановитесь на том, который очевидно работает.

Разумеется, пока вы занимаетесь всеми этими исследованиями, неплохо было бы остаться в живых. Как вы отобьетесь от мастодонта, если все еще размышляете, какое оружие тут будет самым уместным – копье? Или все-таки лучше праща? А если вы еще только учитесь обращаться с копьем или пращой?

Один из возможных ответов: “Быстрее зови на помощь маму и папу!” Именно защищенный период детства – одно из решений конфликта исследования и использования. В детстве мы призваны исследовать окружающий мир, чтобы мы смогли использовать результаты исследований, когда станем взрослыми. Детство и забота о детях – это две стороны одной медали: детство без заботы и защиты существовать не может. Обеспечивая детенышу защищенное и безопасное детство, период, когда нужды маленького существа удовлетворяются надежно, стабильно и без дополнительных условий, вы создаете особое пространство беспорядка, вариативности и исследований.

Вероятно, люди из всех биологических видов наиболее склонны к исследованию. Другие виды очень точно адаптированы к их конкретным средам обитания. Но мы, люди, всегда были и остаемся кочевниками, которые перемещаются из одной среды в другую и работают с тем, что обнаруживают в новой среде обитания. Нас можно найти повсюду, от дремучих лесов до вельда, от арктических пустынь до песков Сахары. И в отличие от других биологических видов, мы создаем новые разновидности среды обитания. Огни мегаполисов озаряют Землю и видны даже из космоса. Воображение и креативность исключительно важны для нашего успеха – ведь нам приходится заранее представлять себе, как будут работать новые места, которые мы откроем и которые мы построим.

---

[17] См. Cohen, McClure, and Angela 2007.

[18] См. Gopnik, Griffiths, and Lucas 2015; Lucas et al. 2014.

Это не простое совпадение, что у нас также гораздо более длинное детство, чем у других видов, – очень долгий период защищенной незрелости. Это долгое детство и дает нам возможность полноценного исследования. И если дети и созданы для того, чтобы исследовать, то понятно, почему беспорядка от них больше, чем от взрослых. На самом деле недавние научные открытия показывают, что склонность детей к беспорядку – это важная составная часть эволюабельности человечества. Именно в период детства гибкость и стремление к исследованию достигают своего пика.

Одно из самых поразительных открытий касается разнообразия темпераментов у маленьких детей. Небольшие генетические вариации взаимодействуют с опытом и приводят к различиям в характерах и личностях детей. С некоторыми из этих генетических вариаций связывают различия между пугливыми и храбрыми детьми[19]. Но есть много других сильных и слабых сторон, черт большей уязвимости и большей защищенности, которые проявляются в раннем детстве.

Однако действие механизмов хаоса простирается далеко за пределы вариативности генов. В раннем детстве сложные взаимодействия между генами и окружающей средой приводят к еще большей вариативности.

Один из самых удивительных научных прорывов последних лет имел место в сфере, которая называется эпигенетика. От гена до той окончательной формы, которую принимают тело и разум человека, ведет длинная извилистая дорога. Важная часть этого пути называется экспрессией генов. В детстве гены могут включаться и выключаться, и это явление влечет за собой важные перемены в процессе превращения ребенка во взрослого. Эпигенетические исследования дают понять, каким образом особенности окружения, даже самые тонкие различия, например, в качестве заботы о ребенке, включают или выключают те или иные гены. Например, у мышей, испытавших стресс в раннем детстве[20], экспрессия некоторых генов происходит не так, как у особей, не подвергавшихся стрессу. То же самое происходит и с человеческими детьми. Получается, что гены вариативны, но при этом варьируется и опыт ребенка, и это влияет на экспрессию генов.

Но дело даже не в том, что у разных детей разные гены и разный опыт, и не в том, что полученный опыт и гены взаимодействуют, – все обстоит еще гораздо сложнее. Некоторые генетические факторы делают детей более или менее чувствительными к окружению. Некоторые дети более жизнеспособны и выносливы; они неплохо справляются и в благоприятных, и в неблагоприятных обстоятельствах[21]. Они похожи на одуванчики, которые растут практически где угодно, в любых условиях. Другие дети более чувствительны к изменениям окружения; в благоприятных обстоятельствах они особенно хорошо себя чувствуют, но неблагоприятные условия переносят особенно плохо. Такие дети больше напоминают орхидеи, которые цветут лишь при неусыпной заботе и богатой подкормке, а если нет ни того ни другого, они вянут. Итак, дети не просто отличаются друг от друга – они по-разному реагируют на окружающую среду.

Ученые, занимающиеся генетикой поведения, пытаются разобраться в том, какой вклад в развитие человека вносят гены, а какой – его окружение[22]. Они анализируют сходства и различия между однояйцевыми и разнояйцевыми близнецами, между родными братьями и сестрами, между родными (биологическими) и усыновленными детьми, они сравнивают детей с их родителями. Например, близнецы представляют собой нечто вроде естественного эксперимента в природе и в воспитании. Однако исследования не обнаружили какого-то простого

[19] Ebstein et al. 1996.

[20] См. Weaver et al. 2004.

[21] См. Frankenhuis, Panchanathan, and Belsky 2015; Boyce and Ellis 2005.

[22] *См. Turkheimer 2000b. См. также подробное обсуждение в 6-й главе книги The Philosophical Baby* (Gopnik 2009).

разграничения: вот за это отвечают гены, а за то – среда. Вместо этого выясняется, что на деле взаимодействия между врожденным и приобретенным в ходе воспитания чрезвычайно сложны и непредсказуемы.

Начнем с того, что дети влияют на поведение родителей так же сильно, как родители влияют на поведение детей. То, что выглядит как эффект работы генов, в действительности может оказаться результатом обратной связи, которую гены получают от окружения. Если у вас есть ребенок с небольшой генетической склонностью к риску, то, возможно, вы, пусть и бессознательно, будете обращаться с ним совсем иначе, чем с его более осторожным братом, и эта разница в воспитании существенно усилит различия, заложенные в детях природой.

Одно из самых поразительных открытий в этой области касается явления, которое называют уникальным влиянием среды (*nonshared environment*)[23]. Если бы концепция родительства была научно корректной, можно было бы рассчитывать, что родные братья (сестры), у которых большая часть генов общая и родители тоже общие, будут очень похожи друг на друга. Но на практике поведенческие генетики обнаруживают, что сиблинги отличаются друг от друга гораздо сильнее, чем можно было ожидать. Уникальное влияние среды – это термин, описывающий все влияющие на ребенка факторы за исключением генов и общего для членов одной и той же семьи опыта, включая опыт родительства. Это уникальное влияние может проявляться по-разному – от каких-то пренатальных воздействий до эпигенетических вариаций и различий, связанных с очередностью рождения, а также совершенно случайных событий, скажем несчастных случаев или болезней. К проявлениям уникального влияния среды относятся даже различия в интерпретации поступков родителей. Посадите в детское кресло-качалку предприимчивого, склонного к экспериментам малыша – и он будет в восторге; посадите туда же его более осторожного брата – и он страшно перепугается.

Согласно данным исследований в области генетики поведения, уникальное влияние среды, судя по всему, играет неожиданно большую роль в том, каким вырастет ребенок. Можно сказать и иначе: даже сиблинги вырастают очень непохожими друг на друга, и предсказать, какими именно будут различия, невозможно. Поэтому данное направление исследований также подтверждает, что разнообразие и изменчивость – закон человеческого развития.

Изучая процесс обучения детей, мы наблюдаем ту же самую изменчивость с раннего возраста. Дети начинают с того, что усваивают очень широкий диапазон представлений о возможном устройстве мира и зачастую непредсказуемо и резко меняют одну картину мира на другую. Задайте дошкольнику несколько раз один и тот же вопрос, и, скорее всего, вы каждый раз получите слегка отличающийся ответ. Эти словно бы случайные вариации изначально давали таким авторам, как Жан Пиаже, основание утверждать, что дети иррациональны, – в самом деле, если получаешь сначала на тот же вопрос сначала один ответ, а потом совсем другой, это и правда кажется не совсем рациональным. Но более недавние исследования показали, что, возможно, именно эта изменчивость позволяет детям усваивать такие огромные объемы знаний[24].

Это явление просматривается даже в развитии мозга. Юный мозг гораздо “пластичнее”, чем мозг взрослого; он создает больше новых связей, и в целом он значительно более гибкий. Фактически в мозге годовалого ребенка нейронных связей в два раза больше, чем в вашем. Мозг ребенка выстраивает гораздо больше связей, чем мозг взрослого человека; потенциальных связей у него тоже значительно больше, и эти связи при получении нового опыта выстраиваются быстрее и легче. Однако каждая из этих связей относительно слаба. Мозг ребенка способен легко перестраиваться по мере приобретения новых впечатлений.

[23] См. Turkheimer 2000a.

[24] См. Bonawitz et al. 2014.

По мере взросления те связи в мозге, которыми мы пользуемся чаще, становятся более быстрыми и эффективными, и они простираются на большие расстояния[25]. А связи, которые мы не используем, “истончаются” и исчезают. Чем старше мозг, тем он менее гибок. Его структура меняется – извилистые узкие тропки превращаются в прямые и протяженные информационные автострады. Конечно, даже когда мы становимся старше, мозг все еще сохраняет способность меняться, но, как правило, это происходит только под давлением, и для этого требуются значительные усилия и внимание.

Мозг ребенка рассчитан на исследование; взрослый мозг – на использование.

[25] *Сведения о развитии мозга см.: Cragg 1975; Giedd et al. 1999; Huttenlocher 1974, 1979, 1990. Научно-популярный вариант можно найти в следующей работе: Marian Diamond and Janet Hopson’s Magic Trees of the Mind: How to Nurture Your Child’s Intelligence, Creativity, and Healthy Emotions from Birth The rough Adolescence* (Diamond and Hopson 1999).

Защищающие родители

Каждое очередное поколение детей – это взрыв шума, новая крошечная доза хаоса, потрясающая уже сложившиеся паттерны предыдущего поколения и открывающая путь к новым возможностям. Но в таком случае словосочетание “быть родителем” обретает новый смысл. Быть родителем – совсем не то, что быть человеком, осуществляющим родительство, хотя это столь же трудно.

Безусловная, персонализированная преданность, с которой мы относимся к каждому ребенку, находящемуся под нашей опекой, – независимо от того, какими могут быть его индивидуальный темперамент и характер, – дает шанс широкому спектру вариаций продолжаться и в будущем. Мы любим своих детей любыми, неважно, боязливы ли они или храбры, орхидеи они или одуванчики, умеют ли они отфильтровывать весь мир, сосредоточившись на чем-то одном, или же открыты для всего на свете.

Подобная преданная любовь также дает ребенку возможность быть интеллектуально хаотическим, успеть исследовать мир прежде, чем начать его эксплуатировать, – словом, позволяет идеям ребенка умирать вместо него самого. Если дети – это кто-то вроде ученых, описанных Поппером, то мы, взрослые, подобны университетам и фондам, финансирующим науку. Мы даем детям ресурсы, инструменты и инфраструктуру, которые нужны им для того, чтобы решать задачи, которые нам даже не приходили в голову. И точно так же, как и в случае с наукой, мы получим гораздо лучшие результаты, если будем поддерживать одновременно тысячу разных программ “фундаментальных исследований”, а не вложим все средства и всю энергию в одно-единственное направление.

Нам по силам буквально и метафорически обеспечить детям пространство для исследования. Взлет модели родительства сопровождался закатом уличной жизни, игровой площадки во дворе, упадком общения с соседями и даже самого досуга. До того, как распространилась модель родительства, даже совсем маленькие дети, едва научившиеся ходить, имели возможность исследовать обстановку, в которой им предстояло расти, – деревню или ферму, мастерскую или кухню. В наши дни дети американцев среднего класса проводят большую часть жизни в строго упорядоченном окружении; обстановка, окружающая детей из бедных семей, еще более ограничивает их. По иронии судьбы, в обществе, которое все больше ценит креативность и новаторство, мы оставляем детям все меньше и меньше возможностей для беспрепятственного и свободного исследования мира.

Работа взрослого, который ухаживает за ребенком, состоит не только в том, чтобы предоставлять ребенку защищенное пространство, в котором он может исследовать, познавать и устраивать беспорядок, но также в том, чтобы направлять переход ребенка от этого исследовательского хаоса к новому типу контроля – новому варианту порядка, который приходит с новым набором взрослых знаний. Однако невозможно в точности предугадать, каким будет этот новый порядок; в том-то и суть всей поколенческой перезагрузки человеческого общества.

Глава 2
Эволюция детства

Зная, как возникло то или иное явление, всегда легче его понять. Наша эволюционная история должна помочь нам разобраться, как работает наш мозг и сознание, – точно так же, как она объясняет работу наших внутренних органов и костей скелета. Если мы хотим глубже разобраться в отношениях между родителями и детьми, то один из способов – понять, как эти отношения развивались в ходе эволюции.

Что мы знаем о том, как эволюционировали человеческие дети и их родители? И может ли эволюция помочь нам понять поведение и мышление современных детей и родителей? В этой главе я нарисую масштабную картину эволюции и постараюсь рассказать о звеньях, которые связывают детство, любовь и обучение. В следующей главе мы более детально поговорим о том, каким образом эти связи создали ту особую разновидность любви, которую мы сегодня питаем к нашим детям. Модель отношений детей и родителей, которую мы увидим в результате, будет очень отличаться от модели родительства.

Две картины

Сцена, знакомая нам по сотням фильмов, типичная иллюстрация из учебника, сюжет диорамы в музее естественной истории: несколько заросших бородами мужчин, укутанных в звериные шкуры, – выступающие вперед нижние челюсти, мощные надбровные дуги, свирепые лица – крадутся по следам гигантского шерстистого мамонта. Внезапно огромное косматое животное с его ужасающими трехметровыми бивнями бросается прямо на охотников – таких крошечных и беззащитных по сравнению с ним. Но люди – пусть они и не так уж велики ростом – очень умны и отлично умеют работать в команде. Вожак взмахом руки приказывает нескольким загонщикам зайти чудовищу в тыл и осыпать его градом камней, чтобы подогнать мамонта к лучшему из охотников, который сейчас отважно потрясает копьем, а затем сокрушительным и точным ударом нанесет зверю смертельный удар. Удачливые охотники отрезают от туши гигантские стейки и самые соблазнительные куски будущего жаркого на косточке – и волокут все это домой, на радость соплеменникам.

Противопоставим эту картину первобытной охоты, где словно сама природа неистовствует во всей своей неумолимой жестокости, и тихую, нежную – если не сказать изнеженную – картину мирного вторника (именно по этим дням мы с моим годовалым внуком Огастесом обычно ездили на фермерский рынок).

У Оджи тогда были вьющиеся золотые локоны, большие голубые глаза и пухлые румяные щечки – но привлекательнее всего была его застенчивая улыбка, которую он с точным расчетом использовал, насмерть сражая всех встречных. Если верить его дядьям, Оджи уже в этом возрасте разбил немало сердец.

На рынке пожилые дамы с корзинками непременно останавливаются около его коляски и в умилении восклицают: “Какой хорошенький!” Прелестная маленькая девочка опускается у коляски на колени, чтобы поболтать с Оджи: “Ой, смотрите, какой малы-ы-ыш!” – тянет она тонким голоском, но с совершенно материнской интонацией. Однако Оджи очаровывает не только женщин: парень из киоска с пастой улыбается ему и угощает сухариком с орехами и сушеными вишнями.

Я, гордая бабушка, подсаживаю Оджи себе на бедро и показываю ему подсолнухи: “Смотри, какой славный цветочек, Оджи!” Оджи немедленно хватает цветок, тянет в рот и от души откусывает кусок, так что я кричу: “Нет, Оджи, нет, бяка!” – и взамен даю ему попробовать персик и помидор. С таким же пылом Оджи показывает на все, что ему интересно: “Там!”, “Шарик!” и “Собачка!” (Гретцки, нашего пса, назвали в честь великого хоккеиста Уэйна Гретцки – в знак уважения к нашему канадскому наследию; этот пес – одна из важнейших фигур в жизни Оджи).

Мы останавливаемся возле лотка с мороженым-сорбетом (разумеется, веганским и органическим), и Оджи с большим энтузиазмом, хотя и не очень умело, начинает ковырять в стаканчике деревянной ложечкой, подражая своему деду. На углу играет юный уличный музыкант-виолончелист, и Оджи слушает и смотрит как зачарованный, провожая глазами каждый взмах смычка. Какая-то женщина начинает танцевать под музыку, и Оджи ловит ритм, размахивает босыми ножонками точно в такт ее танцу – буги стареющей дамы из поколения бэби-бумеров.

Пока дедушка отвлекает Оджи музыкой, я заканчиваю с покупками всякой снеди. Затем появляются отец и дядя Оджи и начинают подбрасывать его в воздух и перекидывать друг другу, к невероятному восторгу малыша. Наконец мы все едем домой, обожаемая мама кормит его, и уставший от обилия впечатлений Оджи засыпает.

Примечательно, что, согласно самым последним исследованиям в области антропологии, эта вторая картина на самом деле описывает наше эволюционное прошлое лучше, чем знако-

мая картинка охоты на мамонта. Я вовсе не утверждаю, что охота не была важна или не играла роли в развитии уникального человеческого разума. Но наиболее значимые перемены в нашей эволюции, скорее всего, были в большей степени связаны с отношениями между бабушками и детьми, чем между людьми и мамонтами.

Рынок – это место, куда я отправляюсь, чтобы набрать фруктов, корнеплодов и орехов, – почти так же, как мои первобытные предки (хотя, конечно, изобретение автомобиля и денег значительно упростило этот процесс). Многие из наших древних когнитивных преимуществ зависели от навыков собирательства[26]. Первобытные люди придумывали изобретательные способы преодолеть природную защиту потенциальных источников пищи – от скорлупы орехов до горьких токсинов, содержащихся в маниоке. Столь же ловко они научились отличать потенциально съедобное от безнадежно ядовитого. Недавние исследования утверждают, что эти навыки собирательства, возможно, сыграли в успешности человека как вида не меньшую роль, чем охота, – хотя в эпоху плейстоцена умение выковыривать из-под древесной коры восхитительных "органических" съедобных термитов считалось, вероятно, более важным навыком, чем умение есть деревянной ложечкой восхитительный органический сорбет (разумеется, из стаканчика, изготовленного из переработанной древесины). Не менее важно было и то, что этой пищей делились с беспомощным молодняком, а также обучение этого молодняка: как самостоятельно собирать пищу и как отличить съедобное от ядовитого.

Орехово-вишневый сухарик также может служить иллюстрацией того, как наше умение готовить пищу, колоть орехи, растирать зерно и сохранять запасы помогало обеспечить калории, необходимые для прокорма какого-нибудь румяного младенца, похожего на Оджи. Недавние исследования показывают, что уже ранние сапиенсы и, возможно, даже неандертальцы умели растирать в муку крахмалосодержащие части растений и готовить из этой муки пищу[27]. Принести домой немного зерен для будущего сухарика или, на худой конец, съедобный корень рогоза было не менее важно, чем притащить добрый кусок мамонтятины.

Но самым важным навыком было умение вырастить ребенка. Повседневная сценка на фермерском рынке иллюстрирует множество характерных аспектов того, как люди выращивают детей. Мы принимаем все это как само собой разумеющееся – да и как иначе можно относиться к ребенку? – но эти детали играли решающую роль в истории нашей эволюции. Небольшая группа, состоящая из родителей, дедушек и бабушек, старших детей, случайных прохожих и даже домашних собак, – и все они обратили внимание на маленького ребенка и так или иначе пообщались с ним! Это чисто человеческий феномен. Не менее характерно и то, что заботу о ребенке участники группы разделили между собой: подобное совместное предприятие может быть не менее сложным, чем загонная охота на мамонта[28].

Особенно древними могут показаться бабушки (и они в самом деле частенько чувствуют себя неимоверно древними, подтверждаю), но с эволюционной точки зрения бабушка – изобретение сравнительно недавнее[29]. Люди – единственные приматы, которые продолжают жить, процветать и заботиться о детях еще долгое время спустя после того, как сами вышли из детородного возраста.

По сравнению с детенышами других приматов человеческие дети развиваются особенно медленно и особенно беспомощны. В том возрасте, когда детеныш шимпанзе уже прекрасно способен самостоятельно передвигаться, Оджи все еще приходилось носить на руках. Однако человеческие дети как будто нарочно созданы так, чтобы умело пользоваться своим неподражаемым обаянием: очаровывая взрослых, они заставляют их заботиться о ребенке и обучать

[26] См. Parker and Gibson 1977; Yamakoshi 2001.

[27] Revedin et al. 2010.

[28] Hrdy 2009.

[29] Hawkes and Coxworth 2013.

его всему необходимому. Хотя Оджи еще совсем младенец, он уже способен отчасти представить себе, что творится в голове других людей, что они видят и чего хотят. Он обращает мое внимание на то, что видит сам, и интересуется тем, что вижу я. Он понимает, что я считаю персики отличной штукой, а идею грызть подсолнух совершенно не одобряю.

Кроме того, человеческие дети отлично умеют усваивать социальные навыки. Они гораздо более внимательно, чем любое животное, наблюдают, как взрослые люди используют самые разные орудия, – и тут же пытаются повторить это; глазевший на уличного виолончелиста Оджи был совершенно уверен, что, стоит ему дотянуться до смычка – и он управится с Бахом так же ловко, как управляется с деревянной ложечкой для сорбета.

Умение пользоваться ложечкой, чтобы добыть сорбет со дна стаканчика, – это очевидный практический навык. Но у нас, людей, есть также и общие ритуалы: мы совершаем действия, которые не преследуют очевидного практического результата, – иногда у них вообще нет никакого результата, – но, несмотря на это, они важны для нашей самоидентификации и упрочения солидарности. Хороший пример таких действий – танцы. Когда вы танцуете с кем-то, вы этим подтверждаете, что ваш партнер – такой же, как вы, а вы – такой же, как он, и для нас, человеческих существ, эта неуловимая близость гораздо важнее любой практической пользы. Хотя Оджи тогда было всего год от роду, он уже хорошо понимал жесты и ритуалы, например такие как танец, а также понимал другие действия и применение орудий.

Человеческие дети определенно приспособлены эволюцией для обучения [30], и особенно для того, чтобы учиться у других, а взрослые явно адаптированы к тому, чтобы одновременно и заботиться о детях, и обучать их. Многие биологи считают, что эти факты сыграли важнейшую роль в нашем эволюционном успехе.

[30] *Этот тезис вместе с обширным доказательным материалом можно найти в работе The Evolved Apprentice* (Sterelny 2012). В дальнейшем своем рассуждении я во многом следую за ее автором.

Что кроется за “просто сказками”

Однако прежде чем двинуться дальше, нужно задаться самым главным вопросом из всех, касающихся эволюции человеческого разума: если наше происхождение теряется в тумане доисторического прошлого, как нам вообще узнать, откуда мы произошли и как эволюционировали?

У биологов есть методы, позволяющие делать точные и проверяемые утверждения об истории эволюции. Они могут, например, сравнить много близкородственных видов и посмотреть, как те или иные черты помогают этим видам адаптироваться и повысить собственную выживаемость и распространенность. Биологи могут показать, как черные бабочки-пяденицы с промышленного севера Англии, где стволы деревьев и другие поверхности часто покрыты слоем копоти, вытеснили своих соплеменниц более светлой окраски. Они могут пересчитать кости разных видов мышей в желудке у совы, чтобы установить, у каких видов выше вероятность оказаться съеденными, а какие с большей вероятностью выживут. Они могут изучить, спариваются ли самцы колюшки, украшенные ярко-красными пятнами, чаще, чем самцы с более бледными пятнами. Они могут встроить в организм мыши новый ген и проследить, как животное будет развиваться и выживать.

Психологи, изучающие людей, ничего подобного проделать не могут. *Homo sapiens* – единственный сохранившийся вид рода *Homo*, поэтому сравнить нас с какими-то совсем близкими родственниками невозможно. Мы не можем сравнить кости сапиенса и неандертальца из желудка саблезубого тигра или внедрить новый ген в ДНК младенца и посмотреть, что получится.

Есть и другая проблема. Мы, люди, в гораздо большей степени, чем другие животные, действуем целенаправленно. Мы ставим цели и идем к ним в одиночку и коллективно, в течение собственной жизни и на протяжении многих поколений. Мы учимся, реализуем наши планы и стараемся, чтобы мир изменился к лучшему.

Это означает, что когда бы мы ни задумались об эволюционном смысле той или иной человеческой черты (допустим, женщин привлекают мужчины несколько старше, чем они сами, потому что такие мужчины смогут обеспечить больше ресурсов для их общих детей) – то на каждое эволюционное, биологическое объяснение найдется альтернативное объяснение через опыт и культуру. Возможно, женщины просто усвоили, что мужчины постарше лучше умеют добывать ресурсы, и поэтому знают, что лучше держаться поближе к таким мужчинам. Или они, возможно, научились этой житейской мудрости (или как это называется?) у женщин предшествующих поколений, которые когда-то давно это заметили. Культурная эволюция влияет на поступки человека больше, чем на поступки любого другого животного, и это добавляет целый слой взаимосвязей, повышая сложность объяснения.

Все это вызвало в адрес “эволюционной психологии” – особенно ее популярного извода – отчасти справедливую критику: мол, вся эта ваша психология – просто сказки. Невозможно объяснить то или иное поведение человека, просто заявив, что подобное поведение, возможно, когда-то очень давно, в эпоху плейстоцена, помогало нам выжить.

Однако и в области эволюции, и в области психологии можно выдвинуть гораздо более взвешенные и научно обоснованные гипотезы. У нас есть некоторые реальные доказательства, подтверждающие факт эволюции психологии человека, и эти доказательства вполне могут служить объяснением многих особенностей нашего способа растить детей.

Хотя в современном животном мире нет видов, близкородственных человеку, мы можем сформулировать некие общие принципы, изучив широкий диапазон видов и сред обитания. Например, можно обратиться к некоторым общим для разных видов корреляциям – скажем,

между длиной детства и размером мозга – или к другой: чем более беспомощен детеныш, тем более склонны к моногамии родители.

С большой осторожностью мы можем также воспользоваться палеонтологической летописью наших непосредственных предков – человека умелого (*Homo habilis*), эректуса (*Homo erectus*), неандертальца (*Homo neanderthalensis*) и других. Ископаемые челюсти демонстрируют нам, что у неандертальских детей молочные зубы сменялись на коренные раньше, чем это произойдет у Оджи. Наконец, в нашем распоряжении имеются фрагменты материальной культуры наших предков – например, обломок каменного топора или комочек охры. Утверждение, что первобытные люди умели растирать зерно в муку, основано на следах злаковых растений, обнаруженных на неолитических каменных жерновах.

Можно также сравнить поведение человека и наших ближайших родственников-приматов – человекообразных обезьян (хотя всегда следует помнить, что с тех пор, как у нас с ними был общий предок, протекли миллионы лет эволюции). И хотя детеныши шимпанзе тоже учатся у взрослых животных, но неспособны на такое отточенное подражание, как Оджи.

Мы можем также изучать современные народности, чей жизненный уклад похож на образ жизни наших первобытных предков, – таковы, например, африканский народ!кунг[31] или амазонские индейцы аче. Эти группы совсем не похожи одна на другую, но образ жизни ведут отчасти сходный: он в большей степени основан на добывании пищи в дикой природе, чем на ее выращивании. Раньше антропологи называли такие народности “племенами охотников и собирателей”, но позже стали именовать их “собирающими культурами” (*foraging cultures*), поскольку собирательство пищи – такой как орехи и съедобные клубни – для этих людей важнее, чем охота. В воспитании детей у!кунг и аче очень важную роль играют бабушки, а это позволяет предположить, что бабушки, возможно, сыграли существенную роль и в нашей эволюции.

Помимо этого, можно построить математические модели эволюционных изменений с различными ограничениями. Скажем, проследить, как альтруистические действия – например, забота о чужом ребенке – могут биологическим путем возникнуть в популяции близкородственных организмов, которые в выживании зависят друг от друга. Можно построить аналогичную модель и для культурной эволюции и посмотреть, как определенный набор жестов, например приветственный взмах рукой, сохранялся или менялся, передаваясь из поколения в поколение.

Наконец, можно обратиться к развитию самих человеческих детей и изучать его. Это позволит нам проследить, какой вклад образование и культура вносят в развитие ребенка, и разобраться, как они взаимодействуют с врожденным эволюционным наследием. То, что годовалый Оджи уже так хорошо понимает других людей и так хорошо умеет подражать им, подсказывает, что это, вероятно, базовые человеческие способности.

У каждого из перечисленных нами способов разобраться в нашем эволюционном наследии есть множество трудностей и оговорок. А потому неудивительно, что гипотезы о нашем эволюционном происхождении так часто напоминают известные тесты Роршаха. Трудно удержаться от улыбки, когда на конференции психологов-эволюционистов какой-нибудь матерый альфа-профессор начинает со всей свирепостью утверждать, что самые важные человеческие черты берут начало в первобытных межплеменных войнах. И наверняка не просто совпадение, что именно с приходом в науку все большего числа женщин мы узнали, что собирательство играло по меньшей мере такую же важную роль, как и охота, а тонкости и нюансы совместного воспитания детей так же интересны, как стратегии соперничества и обмана.

[31] Одно из местных названий северных бушменов (койсанов), обитателей региона Калахари. Значком! обозначается щелкающий звук, характерный для языка этого народа.

Правда заключается в том, что в эволюции человека взаимодействует слишком много факторов и поэтому невозможно указать на какую-то одну, ключевую адаптацию, которая и привела к появлению *Homo sapiens*. И все же все больше исследователей сходятся в одном: изменения в том, что биологи называют нашим циклом развития (*life history*), то есть в самом способе, которым мы развивались, имели особенно важное значение.

Парадокс незрелости

Почему у нас вообще рождаются дети? Хорошо-хорошо, непосредственная причина нам всем известна, но откуда берутся дети *в эволюционном* смысле? Детство – это этап жизни, на котором детеныши зависят от взрослых, особенно от родителей, в самых своих базовых потребностях. При этом дети, похоже, совершенно бесполезны – и даже хуже того, потому что взрослым приходится тратить огромное количество времени и энергии, чтобы просто поддерживать в них жизнь.

Очевидное объяснение этого родительского альтруизма в том, что дети передают дальше гены родителей. Но ключа к разгадке это не дает. Если какой-то организм в принципе способен стать компетентным и эффективным, почему бы не перейти к этой стадии непосредственно? В самом деле, у многих организмов, например у большинства рыб, детство очень короткое: они рождаются почти полностью сформировавшимися, и потребности в родительской заботе у них почти нет. Почему не у всех животных это устроено так же? И почему, воскликнет иной раз даже самый любящий родитель, почему у людей это *совершенно* не так?!

Это очень важный и сложный вопрос, потому что один из бесспорных эволюционных фактов состоит в том, что в ходе эволюции детство человека разумного стало существенно длиннее. У млекопитающих и так детство более долгое, чем, скажем, у беспозвоночных или рыб, а у приматов оно длиннее, чем у большинства млекопитающих[32]. Но даже у шимпанзе и бонобо, наших ближайших сородичей, детство значительно короче, чем у нас[33].

В три-четыре месяца детеныш шимпанзе уже полностью мобилен, к восьми-девяти годам он достигает полового созревания, а первое потомство молодое животное производит в десять-одиннадцать лет. Люди, особенно представители собирающих культур, обычно не заводят детей, пока не достигнут восемнадцати лет или около того. В целом человеческий ребенок остается полностью зависимым примерно в полтора раза дольше, чем детеныш шимпанзе (мы говорим о культурах собирателей! давайте не будем обсуждать ситуацию, когда вы все еще выплачиваете ипотеку за жилье вашего взрослого ребенка). Уже примерно с семилетнего возраста молодой шимпанзе добывает столько же пищи, сколько съедает. Человеческие дети в обществах собирателей начинают полностью обеспечивать себя пропитанием только примерно годам к пятнадцати (обсуждать стоимость обучения в медицинском колледже мы здесь тоже не будем).

С другой стороны, мы и в целом живем дольше, чем остальные приматы. Даже в условиях отличного врачебного ухода шимпанзе живут не дольше пятидесяти лет или около того, а люди в обществе собирателей нередко доживают до восьмидесяти и даже больше. В отличие от самок других приматов, женщины, как правило, продолжают жить еще долго после окончания детородного периода: менопауза определенно характерна именно для человека[34]. Складывается впечатление, что вся программа развития человека как бы растянулась.

Но в этой стройной картине обнаруживается одно любопытное исключение. Как правило, человеческие матери отнимают детей от груди раньше, чем это делают самки шимпанзе. Даже в собирающих культурах детей перестают кормить грудью в два-три года – а не в четыре-пять, как маленьких шимпанзе. Отчасти поэтому дети у нас рождаются чаще, чем у других приматов, – в среднем каждые три года, а не каждые шесть лет. Несмотря на это, отлученный от груди ребенок все равно продолжает зависеть от взрослых и не может добыть себе пищу сам – вспом-

[32] Hublin, Neubauer, and Gunz 2015.

[33] *См. Kappeler and Pereira 2003. Chimpanzees are mobile*: Kaplan et al. 2000.

[34] См. Hawkes et al. 1998.

ните ореховый сухарик. Получается, что детей у нас в результате больше, чем у наших родичей-приматов, – но и нуждаются эти дети в большем.

Возможно, вам попадалось утверждение, что в ходе эволюции наше детство стало более длинным, потому что, когда мы начали ходить на двух ногах, наш таз (в том числе, конечно, и у женщин) уменьшился – и в то же время череп у младенцев увеличился, чтобы вместить наш огромный мозг. Чтобы более крупная голова могла пройти через сузившийся родовой проход, детям пришлось появляться на свет раньше. Возможно, все эти обстоятельства и сыграли свою роль, но вряд ли ключевую. Ведь наше длинное детство – это не только продление младенчества: период среднего детского возраста и подростковый период тоже стали длиннее.

Кроме того, детство продолжало удлиняться и в дальнейшем, по мере того как люди эволюционировали. Наши первобытные предки, такие как *Homo erectus,* тоже были прямоходящими, но при этом у них не было длинного детства, характерного для современных людей. Недавние исследования схем прорезывания зубов по ископаемым остаткам показали, что неандертальские дети созревали несколько быстрее, чем дети *Homo sapiens*[35].

Почему это было так? Биологические виды, цикл развития которых включает долгий период незрелости, имеют и другие общие черты – например, больший размер тела и в целом большую продолжительность жизни[36]. Кроме того, длительная незрелость, что вполне логично, коррелирует с большей родительской заботой и большим вкладом. Когда малыш беспомощен, родителям приходится тратить на заботу о нем больше ресурсов.

У животных с более длинным детством также рождается меньше детенышей за один раз. Для нас естественно, что в большинстве случаев женщина за одну беременность вынашивает одного ребенка. Но большинство млекопитающих приносят потомство пометом. Продолжительное детство также коррелирует с более высоким уровнем выживаемости. Рыба производит тысячи икринок, но выживают лишь несколько мальков; приматы и люди рожают за свою жизнь лишь несколько детей, но у этих детей гораздо больше шансов дожить до взрослого возраста. Когда для каждого ребенка выше вероятность, что он выживет, вы можете позволить себе больше вкладывать в каждого из них.

Наконец – и это самое важное для человека, – долгая незрелость совершенно определенно коррелирует с более крупным мозгом, с повышенным интеллектом, гибкостью и способностью к обучению.

Эти корреляции верны даже для таких причудливых созданий, как сумчатые, – для кенгуру и валлаби, которые донашивают детенышей в сумке, а не в матке. Возьмем очаровательного зверька по имени квокка (короткохвостый кенгуру) – он размером с кошку и обитает на нескольких островах близ западного побережья Австралии. Квокку можно сравнить с сумчатым животным, которое гораздо лучше известно американцам, – виргинским опоссумом. Вес у обоих животных примерно одинаковый. Но у квокки детеныши живут в сумке гораздо дольше, и их родители тратят на заботу о малышах гораздо больше времени и сил. При этом мозг квокки гораздо крупнее, чем у опоссума[37].

Образцовым примером подобной корреляции могут служить птицы. Орнитологи давным-давно – явно совершенно не думая о людях – поделили птиц на птенцовых (*altricial*) и выводковых (*precocial*)[38][39]. У последних, к которым относятся куры, гуси, индейки, птенцы созревают быстро и очень скоро становятся независимыми от родителей. При этом они

---

[35] См. Smith et al. 2010.

[36] *Биологи зачастую говорят об этом в категориях r/K-*отбора; это различение изначально было выдвинуто в работе: *The Theory of Island Biogeography* (MacArthur and Wilson 1967).

[37] См. Weisbecker and Goswami 2010.

[38] В русской литературе также встречаются термины “незрелорождающиеся” и “зрелорождающиеся”.

[39] См. Starck and Ricklefs 1998.

не слишком сообразительны. Точнее, они очень хорошо умеют делать несколько важных вещей – например, отыскивать и клевать зерно, – однако новые навыки осваивают плохо.

В противоположность им птенцовые птицы, такие как врановые или попугаи, очень сообразительны. Вороны умеют использовать и даже изготавливать орудия, и в некоторых отношениях эти птицы даже умнее шимпанзе. Вороны и попугаи гораздо дольше выкармливают птенцов, которые гораздо позже перестают зависеть от родителей, чем цыплята, утята или индюшата.

На острове Новая Каледония к востоку от Австралии обитает одна примечательная разновидность воронов. Эти птицы настолько умны, что не только используют орудия, но изобретают и изготавливают их[40]. (Чудесные ролики об этих поразительных птицах и их умениях легко найти на *YouTube*, и эти умилительные "видео с животными" в кои-то веки действительно демонстрируют то, что ученые видят в ходе контролируемых экспериментов.) Вороны Новой Каледонии обрывают ветви у местных пандановых деревьев, обдирают с них листья и заостряют кончик ветки, чтобы получить палку-копалку. Затем они засовывают это орудие под кору деревьев, где кишат насекомые, поворачивают его там, чтобы какой-нибудь термит накололся на острый конец, и выуживают готовый к употреблению аппетитный шашлык на палочке.

Воронята Новой Каледонии остаются незрелыми птенцами, неспособными самостоятельно добывать пищу и зависящими от родителей, по меньшей мере два года – для птичьей продолжительности жизни это очень долго[41]. Если вы посмотрите видео про воронят, то поймете, почему это так устроено: свои поразительные навыки взрослые особи выработали в ходе длинного, болезненного и комически неуклюжего курса обучения, который они прошли, будучи птенцами. В роликах можно видеть, как воронята роняют прутья, не могут правильно взять их в клюв, пытаются засунуть под кору не тем концом. Если бы их выживание зависело от умения пользоваться орудиями, птенцы бы точно умерли с голоду. Родители-вороны терпеливо ждут, пока молодняк тренируется с ветками, которые взрослые птицы уже использовали и отбросили, а тем временем подкармливают голодных птенцов насекомыми, которых добыли сами.

Поскольку многие явления жизненного цикла животных, как правило, связаны между собой, бывает не так легко определить, что тут причина, а что следствие. Например, может быть и так, что постепенное увеличение продолжительности жизни или размеров тела помогало человеку выжить как виду, а более долгий период незрелости маленьких детей был тут просто побочным фактором.

И, разумеется, силы эволюции часто действуют в обоих направлениях. Мозг – как и многие другие полезные информационные гаджеты – стоит дорого. Он требует больших затрат энергии. Зато мозг большего размера помогает обеспечить выживание большего числа представителей данного вида, а это означает, что вид в целом может себе позволить инвестировать в более длинное детство, а это в свою очередь позволяет развить еще более крупный мозг – и так далее.

По всем этим параметрам человек как биологический вид находится на самом краю спектра. По сравнению с другими видами детство у нас гораздо дольше, мозг гораздо больше и способность к обучению гораздо выше. Кроме того, взрослые представители *Homo sapiens* тратят на заботу о потомстве огромное количество времени и энергии.

Существует вероятность, что наша долгая незрелость просто отражает то время, которое требуется, чтобы вырастить большой мозг. Но очень непохоже, что этим все и исчерпывается. Человеческие дети уже с самого момента рождения учатся всему исключительно быстро. Мы

[40] См. Hunt and Gray 2004.

[41] См. Holzhaider, Hunt, and Gray 2010.

используем это дополнительное время, чтобы программировать наш мозг, а не просто растить его.

Факты говорят, что наиболее активно и ненасытно наш мозг ведет себя в первые годы жизни[42]. Даже у взрослых мозг использует очень много энергии: даже когда вы просто сидите спокойно, 20 % полученных вами калорий потребляет мозг. Годовалые младенцы тратят гораздо больше энергии, а мозг четырехлетнего ребенка забирает себе 66 % калорий – больше, чем в любой другой момент нашей жизни. По сути дела, темп физического роста ребенка в раннем детстве постоянно замедляется – именно для того, чтобы компенсировать взрывной рост активности мозга.

На самом деле наш Оджи – типичное существо из научно-фантастического сериала: огромный ненасытный мозг на крошечном худеньком тельце. К тому же это существо отлично умеет гипнотизировать других людей, чтобы они обеспечивали все его потребности.

Все эти человеческие черты: большой мозг, длинное детство, родительские огромные затраты энергии и времени, – судя по всему, развивались совместно и примерно в один и тот же период нашей эволюционной истории. И ролики с воронятами помогут понять почему. Проблема с обучением состоит в том, что на обучение требуется время, а пока ты развиваешь нужные навыки, ты уязвим. Мы все знаем, что мы учимся на ошибках, неудачах, неверных расчетах, на риске и эксперименте. Однако ошибка или неудача делают тебя беззащитным. Вряд ли вы захотите учиться искусству обращения с тиграми в тот момент, когда один из них уже бросился на вас (и, если уж на то пошло, вряд ли вы захотите учиться искусству обращения с расстроенными младенцами, когда ваш ребенок горько плачет; безутешный малыш – это куда страшнее, чем разъяренный тигр).

Гораздо лучше, если вы уже научились всему этому заранее. И уж точно будет гораздо лучше, если во время учения с вами рядом будут люди, которые еще раньше всему этому научились и которые о вас позаботятся, пока вы сами на это неспособны. Еще лучше, если такие люди научат вас самостоятельно решать ваши проблемы. А самое лучшее – это когда у вас есть возможность сочетать мощь собственного интеллекта с аккумулированными знаниями всех людей, живших до вас. Именно таков, судя по всему, подход человечества к обучению.

Детство предназначено для научения – именно ради этого появилось детство и вот почему между детьми и взрослыми такие особые отношения. Однако дети учатся, далеко не ограничиваясь тем, чтобы выслушивать родителей и делать так, как они велят.

[42] См. Kuzawa 2014.

Обучение, культура и петли обратной связи

На что похожи наши возникшие в ходе эволюции специфические способности к научению? Раньше психологи-эволюционисты часто утверждали, что существуют особые врожденные "модули" – те или иные когнитивные навыки, которые эволюционировали, чтобы обслуживать достижение тех или иных целей. Эти психологи часто описывали человеческий разум как некое подобие швейцарского армейского ножа, в котором для каждой задачи есть особое лезвие или инструмент. Не так давно мнение по этому вопросу изменилось. Все больше теоретиков указывают на появление в ходе эволюции разнообразных и разнонаправленных типов научения и освоения культуры[43]. Такие способности к обучению позволяют нам развивать в себе множество самых разнообразных, новых и зачастую беспрецедентных когнитивных навыков.

Специалист в области теории эволюции Ева Яблонка предлагает сравнивать интеллект человека не со швейцарским ножом, а скорее с кистью человеческой руки[44]. Конструкция нашей кисти не предназначена для выполнения какого-то одного конкретного дела: это исключительно гибкое и эффективное приспособление для выполнения множества разных действий, включая такие, которые мы когда-то и вообразить не могли. Когда я несу на руках Оджи, он крепко хватается одной ручонкой за мое плечо, как это делали до него бесчисленные поколения детенышей приматов, а другой рукой виртуозно управляется с моим айфоном – чего не умело делать ни одно поколение до Оджи. Интеллект человеческого ребенка, объединившийся с интеллектами взрослых, которые заботятся о ребенке, – это самое гибкое и самое мощное обучаемое устройство в известной нам вселенной.

Масштабные перемены в методах обучения и культурной передачи приводят к появлению совершенно новых навыков в самых разных сферах[45]. Первобытные люди развивали и оттачивали навыки охоты, собирательства и приготовления пищи, навыки кооперации, конкуренции и воспитания детей. Когда люди научились лучше учиться и лучше передавать другим полученные знания и умения, они в результате достигли больших успехов и практически во всех других сферах.

Однако обучение и передача культуры особенно важны еще и потому, что они делают возможным – по сути дела, стимулируют – возникновение петли обратной связи. Крошечные изменения в нашей способности учиться или учить приводят к огромным переменам в мышлении и поступках. Например, давайте поразмыслим, что это значит – научиться применению нового орудия. Неважно, какого орудия – виолончельного смычка, деревянной ложечки, каменного жернова или слинга для переноски младенца, – этот вид обучения предполагает, что ты смотришь, как этим предметом пользуются другие, и понимаешь, какие новые возможности он открывает.

Представим себе группу первобытных детей, которые чуть быстрее, чем другие дети, учатся пользоваться орудиями. Со временем, когда эти дети вырастут, у них будет больше орудий и эти орудия будут лучшего качества – и потому, что эти дети быстро научились обращаться с орудиями, которые уже были изобретены до них, и потому, что они наверняка быстрее придумают, как эти орудия усовершенствовать и как их лучше настроить. С помощью этих орудий они смогут заниматься собирательством и охотиться, готовить пищу и выращивать детей более успешно, чем другие люди, которые в детстве не так быстро учились.

---

[43] Heyes 2012.

[44] Jablonka and Lamb 2005.

[45] См. Sterelny 2012; Tomasello 2009.

Присмотримся к этим “более умным” детям из первой группы. Они не только унаследовали сообразительность своих родителей – у них, кроме того, будет больше орудий, чем было у родителей, и больше возможностей освоить эти орудия и усовершенствовать их. Это поколение не будет *таким же* умелым и знающим, какими были бабушки и дедушки этих детей, – это поколение будет гораздо более продвинутым. И поскольку все эти технологии позволят этому новому поколению более эффективно охотиться, заниматься собирательством и выращивать детей, то оно сможет позволить себе завести больше детей, а эти дети смогут больше времени посвятить освоению орудий.

По мере того как каждое очередное поколение передает культурную информацию следующему, накапливается качественный скачок в навыках и умениях людей. Изначально ничтожные отличия в темпах социального научения растут как снежный ком, приводя к огромным различиям в интеллекте и качестве жизни.

Однако здесь надо сделать важную оговорку. Мы бы никогда не добились никакого прогресса, если бы каждое поколение рабски и в точности копировало все достижения предыдущего. В какой-то момент (а лучше в несколько разных моментов) кому-то из представителей каждого нового поколения нужно было ввести какую-то инновацию – а остальным предстояло понять, что им необходимо следовать именно за этим новатором. Каким образом силы эволюции, и биологической, и культурной, лучше всего определяют баланс между инновацией и имитацией – это сложный вопрос, ответ на который мы только сейчас начинаем постигать[46].

Этот новый взгляд также отвечает на некоторые основные загадки человеческой эволюции. С шимпанзе и бонобо у нас почти все гены общие; в нашем восхождении на пути от общего предка случилось гораздо меньше генетических изменений, чем можно было бы подумать. А вид *Homo sapiens* обособился лишь несколько сотен тысяч лет назад – мгновение на часах эволюции. Каким-то образом крошечные генетические отличия привели к гигантским различиям в нашем мышлении, поступках и образе жизни.

Есть и еще одна загадка. Люди, современные с анатомической точки зрения – с такими же скелетами, как у нас, – появились примерно двести тысяч лет назад. Но люди, современные с психологической точки зрения – то есть с таким же поведением, как у нас (хоронившие своих покойников, умевшие расписывать пещеры, делать швейные иглы и метать копья, пользовавшиеся косметикой и клеем), – в полной мере сформировались лишь около пятидесяти тысяч лет назад.

Можно подумать, что причиной этого стала какая-то тонкая генетическая мутация, случайное появление какого-то нового лезвия в швейцарском ноже. Но недавние исследования показывают, что причина, возможно, была в ином. Многие характерные именно для человека культурные нововведения, например использование красящих пигментов и погребение покойников, уже возникали (и исчезали) в истории человечества – но лишь в отдельных местах и нерегулярно[47]. Эти нововведения словно бы не могли пустить корни и “привились” лишь пятьдесят тысяч лет назад.

Обе эти странности кажутся вполне логичными, если допустить, что эволюция человека, как биологическая, так и культурная, включает в себя своего рода динамические петли обратной связи, которые я только что описала. Маленькие изменения способны привести к большим отличиям, и если условия подходящие, то эти изменения превращаются в качественный скачок и ведут к еще более глобальным переменам.

---

[46] Boyd and Richerson 1988; Laland, Atton, and Webster 2011; Smith et al. 2008.

[47] Sterelny 2012.

Разнообразие: неизвестные неизвестные

Что же запустило механизм стремительных изменений, которые и составляют суть эволюции рода человеческого? К чему, собственно, мы пытались приспособиться, столь стремительно меняясь? Причиной, по которой нам пришлось меняться, были сами перемены[48].

Во-первых, изменился климат. Дело не просто в том, что погода стала более жаркой или более холодной, более влажной или более сухой. Климат в принципе стал более разнообразным и непредсказуемым; труднее стало предугадать, какой будет погода – как в пределах одного поколения, так и в течение многих поколений. Изменения климата стали менять людей задолго до того, как сами люди стали причиной климатических изменений.

Вторым источником вариабельности стал наш кочевой образ жизни. С самого начала люди были бродягами. Наши человекообразные родственники-обезьяны до сих пор живут примерно в тех же местах, где они появились изначально. Но люди расселились по всей Земле – от лесов до саванны, от полярной тундры до пустынь, переплыли океаны и моря и прошли через горы. Охота к перемене мест, жажда странствий, похоже, встроена в наши гены. Кочевой образ жизни означал, что мы постоянно сталкивались с новыми видами среды обитания.

Все более разнообразной становилась и наша социальная среда. Одна из сильных сторон человечества состоит в том, что мы способны создавать различные типы социальной организации, подходящие для различных обстоятельств. Изобретение сельского хозяйства радикально изменило структуру человеческого общества. Люди стали переходить к оседлому образу жизни на одном и том же месте и накапливать ресурсы, вместо того чтобы передвигаться с места на место и питаться тем, что удалось добыть в течение дня. Оседлый образ жизни преобразил тех же самых людей, с той же самой ДНК, до такой степени, что они стали выглядеть практически как другой вид. Вскоре люди, которые раньше жили относительно небольшими эгалитарными группами, стали жить в городах со строгой иерархией и радикальным неравенством с точки зрения обладания властью. А индустриализация преобразила наш образ жизни еще сильнее.

Как справиться с разнообразием и переменами? Математические модели (и здравый смысл) советуют отвечать на разнообразие разнообразием. Если поощрять разнообразие в развитии и мышлении детей, в том, чему они учатся у окружающих, у этих детей появляется больше шансов выжить в эпоху перемен. В результате мы можем ожидать, что и в темпераменте и развитии детей, и в поведении взрослых проявится множество случайных, на первый взгляд, вариаций.

Поскольку о ребенке в человеческом обществе заботится сразу много разных людей, у детей есть доступ к самой разнообразной информации и разным моделям поведения. Разнообразие темпераментов, способностей и индивидуальных путей освоения навыков, приемов и знаний у каждого конкретного ребенка добавляет дополнительное измерение сложности и неопределенности. А вариативность исторического развития и перемен еще более усугубляет эту сложность. Каждое поколение людей и взрослеет в несколько ином мире, и создает несколько иной мир в сравнении с тем, в котором жило предыдущее поколение. Это хаос – но полезный хаос, который позволяет людям процветать в условиях ошеломляющего разнообразия и бесконечной изменчивости.

[48] Potts 1996.

Вернемся к родительству

Теперь читателю уже должно быть очевидно, почему с эволюционной точки зрения родительство не назовешь хорошей моделью для родителей и детей. Заботиться о детях, воспитывать их, инвестировать в них – вот абсолютно необходимое условие для процветания человечества. Конечно, учить детей и эксплицитно, и имплицитно очень важно. Но с точки зрения эволюции попытки сознательно вылепить из ребенка определенный тип взрослого – занятие бесплодное и обреченное на провал.

Даже если мы, люди, были бы способны формировать поведение детей так, чтобы оно в точности отвечало нашим целям и идеалам, это все равно было бы контрпродуктивно. Нам не дано заранее знать, с какими непредсказуемыми переменами наши дети столкнутся в будущем. Если мы будем лепить их по своему образу и подобию или в соответствии с нашими сегодняшними идеалами, то в будущем это может сильно ослабить их способность адаптироваться к переменам.

Возможно, вы возразите: “Ну зачем же обязательно смотреть на все это в эволюционной перспективе?” Даже если определенного типа отношения между родителями и детьми хорошо работали в эпоху плейстоцена и даже если этим отношениям наш вид обязан своим эволюционным успехом, все равно нет никаких оснований думать, что так же будет продолжаться и дальше. Многие адаптации, которые у нас выработались в древности – например, тяга к сладкому и животным жирам, – совершенно не нужны нам в современной среде обитания.

Да, верно, мы больше не живем в условиях, когда основным источником белка служат термиты или мамонты. Но наша главная адаптация – способность быстро адаптироваться – в наши дни стала важнее, чем когда-либо. Способность гибко обучаться, приспосабливаться к новым обстоятельствам, изобретательно изменять социальные структуры – все эти способности сейчас гораздо важнее, чем когда-либо в былые времена. И отношения между родителями и детьми до сих пор остаются ключом к решению этих сложных проблем – даже если родительство таким ключом не является.

Глава 3
Эволюция любви

Если забота о ребенке – это не просто разновидность работы, как предполагает концепция родительства, но один из видов любви, тогда какая именно это любовь? Можем ли мы сказать о ней что-то более определенное, чем просто повторить банальное утверждение, что мы, разумеется, любим наших детей? В этой главе я расскажу о том, что у любви человеческих существ к своим детям на самом деле есть характерные особенности, которые сформировались в ходе нашей удивительной и очень специфической эволюционной истории. И эта любовь к детям влияет на другие виды человеческой любви и формирует их.

Примерно двадцать лет назад, работая над своей первой книгой, я начала одну главу с описания переполнявшего меня личного опыта беременности и родов. Это девять месяцев физической трансформации, невероятно странного чувства, что ты делишь свое тело с другим существом, а затем роды – комбинация полной, самозабвенной самоотдачи и поистине марафонских усилий. Это причудливое, но притягательное ощущение того, как ребенок движется через влагалище, взрыв эйфории, вызванной выбросом особых веществ в мозгу, – а затем чудесное тепло крошечного тельца, прижатого к твоему. Может показаться, что этот специфический набор ощущений, эмоций и химических изменений, происходящих в организме биологических матерей, и есть квинтэссенция любви к ребенку.

Однако теперь я должна рассказать о другом и во многом еще более странном опыте. Восьмого октября 2012 года, когда родился мой внук Оджи и я впервые взяла его на ручки, я была абсолютно тем же человеком, что и накануне, седьмого октября. За предыдущие месяцы и недели во мне не происходило никаких гормональных перемен, в моем чреве не брыкался младенец, с моим телом и разумом не произошло никаких радикальных трансформаций. И все же, несмотря на отсутствие какой бы то ни было подготовки, я испытала нечто очень похожее на материнство – ту самую специфическую и очень сильную любовь, ощущение, что именно *за этого* малыша я готова отдать жизнь.

Я могу еще более точно сказать, когда именно я начала испытывать это чувство. Это произошло в конце длинного и трудного дня с неугомонным двухнедельным младенцем. Я долго баюкала его на руках, успокаивала, укачивала, и вот наконец он уснул у меня на плече, все еще тихонько всхлипывая. Меня пронзило знакомое чувство, от которого перехватывает дыхание, – чувство, что это крошечное беспомощное существо одновременно и удивительно хрупко, и так неимоверно важно для меня. Конечно, у меня и так уже было множество абстрактных причин любить своего первого внука. Но сам факт того, что я сумела благополучно убаюкать малыша, как будто сплавил все эти абстрактные соображения в мощное и непосредственное чувство, ощущение, которое возникло у меня безо всякой беременности и родов и всего прочего. Это немного похоже на разницу между влюбленностью в подростковом и в среднем возрасте. В пятнадцать лет влечение приводит к любви, в пятьдесят пять любовь порождает влечение. У бабушек скорее преданность ребенку управляет эмоциями, а не наоборот.

Разумеется, представление о том, что биологическое материнство связано с побуждением заботиться о ребенке, в некоторых отношениях верно. Но, как мы увидим дальше, эволюция часто использовала системы, поддерживающие материнскую любовь, и для поддержания других видов любви. Кроме того, эти биологические паттерны изменились и под влиянием знаний и культуры. И – особенно это касается человеческих существ – биологическая материнская любовь лишь одна из множества разновидностей любви, которые задействованы в воспитании детей.

За годы, прошедшие с тех пор, как я писала тот абзац о собственной беременности и родах, эволюционные антропологи, такие как Сара Блаффер Хрди и Кристен Хоукс, указали на глубинный и всеобъемлющий характер заботы о детях в человеческой культуре – заботы, которая значительно выходит за пределы биологического материнства [49].

Мы, люди, построили нашу заботу о детях на принципе "тройной опеки" (*triple threat*) – принципе, который отличает нас даже от ближайших родственников-приматов. Во-первых, мы по большей части моногамные, парные существа[50]. Мужчины и женщины любят друг друга так же, как и детей, которых они делают, и отцы заботятся о детях так же, как и матери. На практике эти парные связи могут сложиться и у женщины с женщиной или у мужчины с мужчиной. Во-вторых, у нас есть бабушки[51]. В отличие от всех остальных приматов, человеческие женщины живут еще долго после наступления менопаузы и заботятся о детях своих детей так же, как некогда заботились о своих собственных. В-третьих, мы практикуем аллопарентальную заботу – то есть мы заботимся о детях других людей так же, как о своих[52].

Все эти виды заботы связаны с нашим долгим периодом незрелости и повышенными потребностями человеческих детей. Возможно, принцип "тройной опеки" развился у нас отчасти как ответ на эти повышенные запросы, а может быть, расширение сети попечителей позволило нам дольше не взрослеть. Скорее всего, обе эти тенденции коэволюционировали, взаимодействуя и дополняя друг друга. Каждое расширение и усиление заботы о детях расширяло возможности обучения для нашего большого мозга, а это, в свою очередь, создавало больше ресурсов, позволявших еще более расширить заботу.

Итак, у человека масштаб и диапазон заботы о детях существенно расширились. А забота о детях становится частью заботы друг о друге. По самой своей сути совместная забота о детях приводит к тому, что узы заботы и любви начинают связывать тех, кто осуществляет эту заботу. Таким образом, это "кооперативное размножение" (*cooperative breeding*), как совершенно неромантически именуется наш коллективный вклад, возможно, способствовало эволюции других видов заботы – альтруизма и сотрудничества в целом.

Вероятно, эволюция подарила нам инстинкт, который велит ценить детей, и поставила перед нами задачу способствовать их благополучию. Но важно помнить, что нас есть и еще одна исключительно человеческая способность – мы умеем реформировать наши социальные установления и изобретать новые ради выполнения этой задачи. Возможно, изначальная мотивация заботы о детях порождена эволюцией, но мы используем ее множеством самых разных и совершенно новых способов.

В ходе истории мы изобрели такие инструменты заботы о детях, которые простираются далеко за пределы "тройной опеки", – это и кормилицы, и ясли, и детские сады. Когда я занимаюсь лоббированием с целью улучшить законодательство о защите детей или когда борюсь за то, чтобы в моем университете были улучшены условия декретного отпуска, то, поверьте, никакого вдохновения и радости от этого не ощущаю. Ядовитая смесь негодования и фрустрации, которые я испытываю в эти моменты, нимало не напоминает глубочайшее удовлетворение, с которым баюкаешь спящего младенца, но, в конце концов, все эти чувства укоренены в одних и тех же глубинных ценностях.

[49] *Sarah Blafer Hrdy and Kristen Hawkes*: Hawkes and Coxworth 2013; Hrdy 2009.

[50] Chapais 2009.

[51] Hawkes et al. 1998.

[52] Hrdy 2009.

Парный союз: все сложно

Первая и наиболее очевидная связь, которая помогает обеспечить заботу о детях, – это связь между мужчиной и женщиной, родителями ребенка. Конечно, эта связь столь же таинственна, сложна и запутанна, как и любой аспект человеческой природы. Тем не менее мы, возможно, захотим спросить, что эволюция может нам рассказать о романтической любви и ее отношении к любви родительской. Вот, например, простой вопрос, который, наверно, почти каждый из нас рано или поздно задавал себе, испытывая при этом эмоции в диапазоне от любопытства до мучительного беспокойства: откуда взялась моногамия, и продукт ли это природы или цивилизации? Что она такое: естественный человеческий импульс, который коренится в нашей биологии, или социальный конструкт, который регулируется лишь законом и обычаем?

Как вы, наверно, догадываетесь, эволюционный ответ таков: все сложно. Зависит от того, что вы понимаете под моногамией[53]. В рамки этого термина входит множество разных вариантов поведения животных, а если попытаться сопоставить их с институционализированными идеалами человеческой культуры, путаница еще и усилится.

И у меня есть для вас плохая новость (впрочем, плохая ли – зависит от ваших взглядов): не существует ни одного биологического вида, который был бы полностью сексуально моногамным, – не исключая даже лебедей. Новые исследования ДНК показывают, что практически все виды животных практикуют секс с несколькими (или многими) партнерами. А вот и хорошая новость (разумеется, тоже зависит от вашей точки зрения): по крайней мере у некоторых животных прослеживается отчетливая связь между спариванием и заботой о потомстве. Биологи называют ее парным союзом (*pair-bonding*). Такие союзы образуют многие виды птиц, но они характерны и для некоторых млекопитающих, хотя лишь для одного вида приматов – для гиббонов. И для людей.

Парный союз означает, что пара животных, которые совокупляются друг с другом, также ведут совместную жизнь и сообща заботятся о потомстве. В случае с птицами это означает, что самец и самка совместно делают вообще все – от строительства гнезда до создания общей песни и ее исполнения. Парный союз не обязательно продолжается всю жизнь, но длится дольше, чем один или два брачных сезона. У многих животных в парный союз иногда вступают не только разнополые, но и однополые партнеры – такова, например, знаменитая пара пингвинов-геев из зоопарка Центрального парка в Нью-Йорке.

В человеческой культуре больше внимания уделяется социальным, законодательным и институциональным различиям между моногамией и полигамией. Но с биологической точки зрения не так уж важно, сколько у вас партнеров, один или несколько. Важнее сама концепция партнерства – идея, что вы живете вместе хотя бы с кем-то из своих сексуальных партнеров и заботитесь о нем; что вы живете так достаточно долго и сообща заботитесь о ваших детях.

Наряду с продленным детством, парный союз – это одна из самых характерных эволюционных черт человека, которую мы делим лишь с очень немногим числом других млекопитающих. У прочих приматов социальная и сексуальная жизнь устроена чрезвычайно разнообразно, у них можно найти самый широкий разброс вариантов[54]. Многие мартышковые, например макаки, практикуют полный промискуитет: самцы и самки спариваются с любой доступной особью. Орангутанги в основном одиночки. Самец живет вместе с матерью до самого достижения зрелости, а затем находит свою собственную отдельную территорию, после чего отправляется на поиски столь же самостоятельной и одинокой самки, с которой и спаривается. Для

[53] Reichard and Boesch 2003.

[54] Dixson 1998. Больше о парных связях см.: Chapais 2009, указ. соч.

шимпанзе характерен очень динамичный и гибкий набор сексуальных и социальных взаимоотношений. Самки то вливаются в различные группы, то вновь выходят из них и спариваются с широким ассортиментом самцов. Бонобо прославились тем, что в целом очень щедро используют секс для снятия напряжения, образования альянсов и просто для удовольствия – и все это не ради репродуктивных целей. В частности, у них широко распространен лесбийский секс. У горилл один самец живет с группой самок и их детенышей, но при этом самцы вносят в заботу о детенышах сравнительно небольшой вклад. Вместо этого они тратят энергию на то, чтобы контролировать самок и держать на расстоянии других самцов.

Из всех человекообразных обезьян некоторое подобие парных союзов образуют лишь гиббоны. Самки и самцы гиббонов не полностью сексуально моногамны, однако они координируют свои песни и совместно защищают общую территорию. Есть нечто весьма привлекательное в том, какую роль, судя по всему, играет совместное пение для многих видов, практикующих парные союзы: музыка прокладывает путь к любовным отношениям – и для гиббонов в той же мере, что и для Фреда Астера и Джинджер Роджерс.

У нас, людей, тоже есть широкий диапазон вариантов устройства сексуальной жизни. И, как и в случае со многими другими проектами рода человеческого, мы организуем ее, создавая идеалы, которых потом настойчиво пытаемся достичь. В разные эпохи и в разных странах эти идеалы варьировались от пожизненной сексуальной верности до полигамии и свободной любви. Универсально, похоже, лишь одно: каким бы ни был идеал, реальность всегда оказывается гораздо более беспорядочной.

Великий австрийский этолог и антрополог Иренеус Айбль-Айбесфельдт однажды рассказал мне о своем “первом контакте” с неким изолированным племенем. После долгого изучения образа жизни и обычаев туземцев он поинтересовался, нет ли у них вопросов к нему. “Есть! – ответили туземцы и спросили: – Случается ли у людей вашего племени, что женатый человек занимается сексом еще с кем-то другим?” У них самих, сетовали туземцы, такое происходит постоянно несмотря на то, что никому из участников адюльтера это в результате не приносит счастья. Так вот, если в племени Айбль-Айбесфельдта подобное тоже бывало – может, у него есть какой-нибудь полезный совет на такой случай?

Однако проблема не только в моногамии. Герой средневековой японской “Повести о Гэндзи” с печалью размышляет о том, что социальная норма обязывает его иметь несколько любовниц, в то время как иметь одну-единственную жену было бы куда проще. Образ жизни бонобо, с другой стороны, тоже совсем не так хорош, как может показаться. Примерно через поколение или около того снова и снова возрождается идея секса без обязательств – и каждый раз под новым, полным надежд именем: то “свободная любовь”, то “открытый брак”, то, как сейчас, “полиамория”. Но снова и снова эта идея влачит за собой вечные и безнадежные проблемы недоверия и ревности.

Тем не менее, при всем этом множестве разнообразных сексуальных установлений, идея о том, что секс и любовь, сексуальные отношения и забота друг о друге связаны между собой, повсеместно распространена в человеческой культуре. И сексуальная любовь, и какие-то формы брака, судя по всему, весьма близки самой природе человека[55]. Однако, хотя нам такое поведение кажется совершенно очевидным, эволюционная картина показывает, что оно в высшей степени необычно. Факты свидетельствуют, что подобным образом ведут себя лишь 5 % всех млекопитающих[56].

Почему же некоторые животные вступают в парные союзы, в то время как большинство – нет? И зачем, в частности, нам, людям, нужны эти парные союзы – которые столь разительно отличаются от сексуальных практик наших ближайших родственников-приматов? Как это все-

[55] Fisher 1992.

[56] Kleiman 1977.

гда происходит в эволюции, парный союз может выполнять сразу несколько функций и происходить одновременно из нескольких источников. Однако парный союз тесно коррелирует с отцовским вкладом (*paternal investment*) – то есть с заботой отца о своем потомстве. А отцовский вклад, что весьма логично, связан с общим вкладом родителей – то есть объемом совместной работы и попечения, а также общих ресурсов, которые необходимы, чтобы вырастить ребенка.

Хотя парный союз и отцовский вклад идут, так сказать, рука об руку, вопрос о том, насколько много отцов на заре человеческой истории в самом деле заботились о благополучии своих детей, остается спорным[57]. Вопросы в духе "что было раньше – курица или яйцо" можно вообще считать стандартными для науки об эволюции. Но в любом случае почти никто не сомневается в том, что даже в обществах первобытных охотников и собирателей отцы инвестировали в детей гораздо больше, чем самцы у горилл или шимпанзе. И существуют наглядные свидетельства того, что отцовский вклад и отцовская забота помогали и помогают детям расцветать и в древности, и в современном обществе.

Если отцовский вклад так хорошо помогает детям, то почему он до сих пор сравнительно мало распространен у животных? Эволюционное происхождение отцовского вклада – загадка. Как указывали многие традиционные психологи-эволюционисты, репродуктивные интересы мужчины и женщины явно асимметричны. В принципе, мужчина мог бы передавать свои гены через множество разных женщин, становясь отцом множества детей и тем самым улучшая распространенность своих генов в следующем поколении. Женщина, наоборот, всегда ограничена "бутылочным горлышком" беременности. С ее точки зрения, гораздо более эффективна забота о ребенке, который у тебя уже есть, чем попытки родить как можно больше детей.

Стратегия беспорядочной и максимально широкой раздачи собственных генов особенно выгодна для самых крупных, самых сильных и самых агрессивных самцов, которые могут оттеснить более слабых соперников и не позволить им спариться с самками. Сперма этих сильных самцов могла бы также быть более агрессивной и более эффективно оплодотворять самок. Именно такова стратегия большинства самцов приматов. Как же произошел переход от нее к парному союзу?[58]

Согласно одной из гипотез, женщины более успешно передают свои собственные гены, если у них в ходе эволюции развивается склонность к менее агрессивным мужчинам, делающим более значительный отцовский вклад. Женщинам нужны эти ресурсы для выращивания детей (которых не может быть очень много из-за "бутылочного горлышка"), и чем выше потребности младенца, тем больше смысла в такой стратегии. Как только у женщин начинают развиваться такие предпочтения, мужчины, делающие больший отцовский вклад, тоже получают генетическое преимущество. В конечном итоге мужчины, демонстрирующие такой паттерн поведения, и женщины, развившие такой паттерн предпочтений, стали доминировать и вытеснили тех, кто практиковал устаревшую стратегию.

Родительский вклад также более логичен для мужчин, если у младенцев особенно высокие потребности. Чем больше заботы и ресурсов требуется ребенку, чтобы он мог выжить и расцвести, тем более важен правильный выбор баланса для мужчины. Стать отцом множества детей, которые несут твои гены, – это может оказаться не такой уж хорошей стратегией, если все эти дети, лишенные достаточной заботы, умрут в младенчестве. Предпочтительнее вариант, при котором детей у тебя меньше, но ты обеспечиваешь их всеми необходимыми ресурсами.

Однако эта стратегия, с другой стороны, будет эффективна только тогда, когда существует как минимум большая вероятность того, что дети, в которых инвестирует мужчина, – действительно его собственные дети. Парный союз – это своего рода генетический контракт

---

[57] Подробнее о родительском вкладе см.: Clutton-Brock 1991. Подробнее о парном союзе см. Fletcher et al. 2015.

[58] Gavrilets 2012.

между мужчиной и женщиной. Особого рода преданность, возникающая между мужчиной и женщиной, повышает вероятность того, что мужчина будет инвестировать в детей, которые несут именно его гены. А с точки зрения женщины, добавление отцовского вклада означает, что у детей, несущих ее гены, больше шансов выжить и что они могут позволить себе длительный период незрелости.

У видов, практикующих парные союзы, по мере перехода от сексуальной агрессии к сексуальной кооперации развиваются специфические физические характеристики. У этих видов самцы и самки по размеру меньше отличаются друг от друга, чем у так называемых полигинных (то есть практикующих гаремы) видов – например, у горилл. Самцу в парном союзе больше не нужны физическое превосходство и подавляющая мощь, чтобы контролировать свой гарем и отгонять самцов-конкурентов. У такого самца яички меньшего размера, поскольку его сперме в меньшей степени приходится конкурировать со спермой других самцов. Есть даже определенные различия в длине указательного и безымянного пальцев, что связывают с уровнем тестостерона, который эмбрион получает еще в матке.

У самцов человека разумного яички меньше, чем у других приматов, средний рост мужчин лишь ненамного превосходит рост женщин, и у них относительно более высокий пальцевый индекс. Измеряя ископаемые остатки, ученые проследили, как эти изменения происходили постепенно по мере эволюции человека[59]. Исследования показывают, что развитие парных союзов повлекло за собой и другие важные изменения, которые сформировали многие уникальные особенности человека – в частности, наше длинное детство.

Один из способов понять сложность нашей сексуальной жизни – это вспомнить, что у нас есть генетический потенциал не только для парных союзов, но и для других сексуальных стратегий, свойственных приматам. Один и тот же набор генов в разных окружениях может воспроизвести широкий диапазон физических или психологических паттернов. Судя по всему, люди вполне способны реализовать любые сексуальные практики, которые мы наблюдаем у приматов, – от “свободной любви” у бонобо и шимпанзе до полигинных гаремов горилл и парных союзов гиббонов.

Например, вклад человеческих отцов биологи называют “дополнительной заботой” (*facultative care*). В зависимости от обстоятельств отцы бывают и глубоко преданы ребенку, и совершенно безразличны к нему. Для отцов имеет значение прежде всего сам опыт заботы о ребенке. Если отец оказывается в ситуации, в которой он должен активно ухаживать за маленьким ребенком, то повышается вероятность того, что между ними возникнут крепкие узы, а это заставит отца еще больше заботиться о ребенке[60]. С другой стороны, отцы, судя по всему, в большей степени, чем матери, склонны перекладывать заботу о ребенке на кого-то другого.

Различные условия окружения могут также приводить к преобладанию того или иного паттерна сексуального поведения. Например, в истории человечества был ключевой рубеж – изобретение сельского хозяйства. Сотни тысяч лет люди жили маленькими эгалитарными группами, занимавшимися охотой и собирательством. Но примерно двенадцать тысяч лет назад появилось сельское хозяйство – и мы начали жить в больших обществах со сложными иерархиями.

Возникновение сельского хозяйства – история довольно загадочная, потому что те же самые люди с тем же самым генетическим наследием начали вести себя совершенно не так, как раньше, – и это относится также и к сексуальному поведению. В целом в племенах охотников и собирателей, судя по всему, существует некое подобие парных союзов с относительно равноправными мужчиной и женщиной. Когда появились сельское хозяйство и большие челове-

[59] Antón and Snodgrass 2012.

[60] Abraham et al. 2014.

ческие сообщества с ярко выраженным неравенством, получил распространение полигинный паттерн, напоминающий устройство сексуальной жизни у горилл – с гаремами, состоявшими из множества жен под контролем одного мужчины[61]. В индустриальном и постиндустриальном мире этот паттерн снова изменился, вернувшись к модели, больше напоминающей эгалитарный парный союз.

Я бы предположила, что многие исторические напряженности внутри феминизма, возможно, проистекают из этого конфликта между разными сексуальными паттернами. По меньшей мере с XVIII века феминистки колебались – воспеть ли им сексуальность или настаивать на недоверии к ней. С точки зрения женщины, сексуальность может ассоциироваться как с привязанностью, любовью и заботой – то есть парным союзом, так и с мужской агрессией, соперничеством и доминированием – то есть гаремом. Или же может просто быть чистым удовольствием. Наши собственные сексуальные предпочтения – нравится ли нам жизнь в духе гиббонов, горилл или бонобо – отчасти окрашивают и наши представления о том, каким образом должны регулировать сексуальность культура, традиции и закон.

По крайней мере с феминистской точки зрения феноменология секса должна отражать этот набор противоречий. Наш современный сексуальный идеал близок к модели парного союза – то есть к равноправному партнерству, построенному на взаимной преданности и любви. Но трудно отрицать (как бы этого ни хотелось), что существует связь между властью, агрессией и сексуальной привлекательностью – даже в такой относительно безобидной форме, как дамские “романы соблазнения” наподобие “Пятидесяти оттенков серого” (не зря же шутят, что первые тридцать лет своей жизни женщина тратит на поиски своего Хитклиффа, а следующие тридцать – на то, чтобы от него отделаться). Поскольку мне как женщине выпала огромная удача взрослеть в конце 1960-х годов, то есть попасть в то славное мгновение, когда противозачаточные таблетки уже были, а СПИДа еще не было, я знаю, что модель свободной любви и ничем не отягощенных сексуальных удовольствий не утратила своих чар.

Не имеет значения, до какой степени нас определяет наша биология, – мы также наделены способностью рационально формировать наше окружение. Хотя, возможно, нам не удастся полностью освободиться от своего эволюционного наследия, но нам по силам по крайней мере создать такую среду обитания, в которой будет востребовано лучшее из этого наследия. Возможно, эволюционные корни гарема более глубоки, чем корни однополых браков; несмотря на это, законы, которые запрещают первое и поощряют второе, помогут создать такой паттерн сексуальной и семейной жизни, которая пойдет на пользу процветанию человечества.

[61] Morris and Scheidel 2009.

Вариации любви

Эволюционная история подсказывает, что парный союз – это типично человеческая особенность и что она развилась параллельно с повышением потребностей человеческих детей. Но даже если парный союз сам по себе хорошая идея, эволюции пришлось обеспечить для него механизм. В мозге и сознании мужчин и женщин должно было появиться нечто, что позволило концепции парного союза реализоваться. Многие исследователи выдвинули предположение, что некоторые из тех психологических и даже физиологических процессов, которые обеспечивают любовь между родителями и детьми, поддерживают и парные союзы. Плотская любовь и любовь к детям тесно переплетены еще и таким способом.

Антрополог и биолог Хелен Фишер различает три биологических процесса, на которые опирается плотская любовь: сексуальное влечение, сильное романтическое притяжение и длительная привязанность[62]. Интуитивно мы ощущаем верность этого различения. Непосредственное сексуальное влечение – драйвер деятельности всех биологических видов. Но романтическая любовь и долгосрочная привязанность – это эмоции парного союза.

Ясно, что, если сексуальное влечение вдруг оказалось направлено на детей, значит, что-то пошло катастрофически неправильно. Однако между двумя другими видами любви и любовью, которую мы питаем к детям, похоже, и правда есть некоторое сходство. Почти галлюцинаторное, измененное состояние сознания, сопровождающее романтическую влюбленность, очень похоже на то, что мы ощущаем, влюбившись в ребенка (когда Оджи рядом, я больше никого вообще не замечаю). Кроме того, в нашей любви к младенцам и маленьким детям есть очень много и от физиологии романтической влюбленности – ощущение красоты и прелести возлюбленного. Подобно чудовищам из книги Мориса Сендака, большинству из нас при виде своего любимого ребенка приходилось воскликнуть (хотя бы мысленно): “Как же я тебя люблю – так бы и съела!”

Научные исследования подтверждают гипотезу о том, что мы любим младенцев отчасти из-за того, как они выглядят, – ведь они такие невозможно *миленькие*[63]. Характерные для младенца черты лица: большая голова, огромные глаза, крошечный подбородок и носик – вызывают у нас всплеск любви и желания защитить это существо, даже если эти черты на деле принадлежат не младенцу. Эта умиленная реакция, похоже, очень глубоко укоренена в наших эмоциях. Даже трогательное внеземное существо из “Инопланетянина” Стивена Спилберга, лишь отдаленно напоминающее человеческого младенца, вызывает у нас умиление – что уж говорить о каком-нибудь прелестном глазастом тюлененке.

Но, как мы все, увы, знаем, романтическая любовь – вещь мимолетная. Подлинная эмоция парного союза гораздо меньше воспета в искусстве, но гораздо надежнее скрепляет партнерство – это скорее эмоция брака, чем ухаживания. А с биологической точки зрения именно этот вид супружеской любви больше всего похож на любовь к детям и играет самую большую роль в нашей заботе о них.

По крайней мере у некоторых животных, например у мышей-полевок, можно до некоторой степени подробно проследить биологические предпосылки парного союза[64]. Эти исследования в самом деле демонстрируют, что химические основы как у связи между партнерами, так и у связи родителей с детьми очень похожи.

Желтобрюхие полевки – мелкие млекопитающие, живущие парными союзами, в то время как их близкие родственники, луговые полевки, практикуют промискуитет. Моногамные

---

[62] Fisher 2004.

[63] Glocker et al. 2009; Lorenz 1943.

[64] Carter, Devries, and Getz 1995; Winslow et al. 1993; Young and Wang 2004.

самцы желтобрюхих полевок вырабатывают исключительно высокий уровень нейротрансмиттеров окситоцина и вазопрессина – в отличие от самцов луговых полевок.

Ученые умеют менять гены полевок. Некоторые гены желтобрюхой полевки отвечают за выработку окситоцина. У луговых полевок есть такие же гены, но у них эти гены, как правило, не работают. Но когда ученые активируют эти гены, то практикующие промискуитет луговые полевки меняют поведение и переходят к парным союзам, как их желтобрюхие родственники[65].

Окситоцин иногда называют "гормоном дружбы и заботы" – в отличие от химических веществ, обеспечивающих реакцию "бей или беги", например адреналина[66]. У людей, как и у полевок, окситоцин тесно ассоциируется с чувством доверия, преданности и привязанности. Во время родов уровень окситоцина у женщин просто зашкаливает. А введение окситоцина человеку, по-видимому, делает его более доверчивым, повышает готовность к сотрудничеству и открытость.

Генетические различия приводят к различиям в химии мозга и таким образом к различиям в поведении, по крайней мере у полевок. Однако важно отметить, что верно и обратное: заботливое поведение (мыши чистят друг друга и спариваются, люди обнимаются и целуются) само по себе приводит к выработке окситоцина и родственных ему веществ. А эти вещества, в свою очередь, стимулируют еще более заботливое и любящее поведение.

Прямой зависимости степени любви от уровня окситоцина и вазопрессина не существует – даже у полевок. Химические вещества по-разному действуют на мужчин и женщин, и нужно учитывать, что взаимодействия между мозгом, генами, нейтротрансмиттерами и опытом очень сложны. Но очевидно, что есть всеобъемлющая связь между парным союзом и преданностью ребенку, между биологией нашей привязанности к любимому человеку и к ребенку.

Наша любовь к партнеру похожа на любовь к ребенку и в биологическом отношении, и как переживаемый опыт. Кроме того, она, судя по всему, эволюционно берет свое начало в потребностях в заботе. Конечно, все это вовсе не означает, что какой-то из этих типов любви возникает автоматически, что существует некий "естественный закон" нуклеарной семьи, непременно связывающий родительскую и супружескую любовь. Фактически рождение ребенка, по крайней мере в нашем обществе, вносит огромное напряжение в отношения между партнерами.

Тем не менее, если мы хотим глубже разобраться в том, что такое любовь между родителями и детьми, нам нужно оценить ее глубинную биологическую и эволюционную связь с сексуальной любовью. У людей любовь между отцом и ребенком (родительский вклад) и между отцом и матерью (парный союз) – это части одного и того же эволюционного пакета.

[65] Lim et al. 2004.

[66] Donaldson and Young 2008.

Бабушки[67]

Я – одна из загадок эволюции. Почему женщины, миновавшие менопаузу, такие как я, вообще продолжают жить? Менопауза у человека – еще один феномен, который мы принимаем как данность. Но с точки зрения эволюции это явление еще более необычное и таинственное, чем парный союз. Насколько нам известно, единственная разновидность млекопитающих, которая благополучно проходит менопаузу и живет дальше, это киты-косатки. Шимпанзе умирают, достигнув примерно пятидесятилетнего возраста – примерно в то же время, когда утрачивают фертильность. Почему же у людей женщины после утраты фертильности живут еще двадцать-тридцать лет?

[67] Hawkes et al. 1998 and Hawkes and Coxworth 2013, указ. соч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.